

"Сыщик"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Владимир Сисикин

Сыщик

Его невесомый и изящный мир

Трудно однозначно определить творческую профессию автора этой книги.

Наверное, потому, что всюду — и в литературе, и в театре, и в журналистике — Владимир Сисикин был прежде всего блистательным философом.

При жизни неповторимым. После — незаменимым.

Причину этого можно определить примерно так. Когда-то (похоже, еще в ранней юности) Владимир Степанович Сисикин понял, что полнота жизни терпит ущерб не столько от незнания, сколь от неумения осознавать многообразие путей добра и зла. И после такого открытия ему уже ничего не оставалось, как всю дальнейшую жизнь искать эти пути. И в этом своем нескончаемом поиске он умудрился задать такой уровень интеллектуального общения, который, как правило, неведом большинству нынешних авторов. Но, с другой стороны, тот, кому посчастливилось попасть в интеллектуальную ауру Владимира Сисикина, уже никогда не мог оставаться банальным лудильщиком от творчества.

И еще очень важный момент.

Всю свою жизнь этот человек устраивал фантасмагорическую дуэль со смертью, снижая пафос реквиема иронией городского романа. Его спектакли, книги, статьи низводили трагедию человеческого ухода в мир иной до уровня коммунального конфликта между ушедшими и оставшимися. Чтобы так относиться к смерти, требовалось мужество быть выше ее. Это мужество духа мудрый и отважный человек Владимир Степанович Сисикин черпал в детском фольклоре доброты и жизнелюбия, который он коллекционировал, собирал, издавал в виде, на первый взгляд, наивных, но — по сути — очень мудрых книг.

При этом он упорно отказывался признавать себя детским писателем. В одном интервью Владимир Степанович объяснил почему: «Детские писатели — это Льюис Кэрролл, Эдвард Лир, Корней Чуковский, Борис Заходер, создавшие целые детские Вселенные. А я — лишь литератор, то есть человек, который может гармонично и с ненавязчивой пользой поговорить с детьми о том — о сем и чтобы при этом им не было скучно».

Лично я уверен: эти его «гармоничные» разговоры с детьми «о том — о сем» привели-таки к созданию если не Вселенной, то вполне своеобразного сисикинского мира. Мира тонкого, невесомого и изящного, о котором сам автор написал так:

Бабочка лесная —
Книжечка складная.
Две странички бисерных,
Строчек пять.
Тайна там записана:
Как летать.

Собственно, этот очаровательный мир описан и в книгах о Сыщике Шарике. Его профессиональная гениальность — это не гениальность «взрослых» Шерлока Холмса или Эркюля Пуаро. Это гениальность детства, в котором все мы владели некой обезличенной тайной цельности. С годами это проходит, и возвращение того детского ощущения

гениальности является уже результа-том большого труда, Его Величества Случая и дара Господня.

...Однажды автор Сыщика сказал: «Мои читатели будут жить в третьем тысячелетии. И, может быть, кое-кто из них вспомнит и обо мне...».

Не ошибся. Вспомнили.

Дмитрий ДЬЯКОВ

Сыщик в подземелье

«Он только что здесь был»

Мечта о бантике. — Мама Муркина. — Рыжий котенок с мылом под мышкой.

Котя, Кутя, Катя, Кетя, Кытя, Китя и Захар — котята-близнецы гуляли во дворе.

Котя и Кутя занимались в песочнице японской борьбой джиу-джитсу.

Катя трогала лапкой свой хвост и думала, какой он красивый. И еще она думала: не привязать ли на хвост бантик? Только вот где его взять? Кетя пытался спуститься с дерева вниз головой. Кытя снизу подавал брату советы.

Китя пробовал взлететь на самодельных крыльях из двух петушиных перьев. Китя хотел догнать воробья Кольку, который сегодня утром клюнул его в нос. Глядя с карниза на то, как котенок, разбежавшись, в очередной раз тыкался головой в землю, Колька безумно хохотал.

— Все равно поймаю! — крикнул ему Китя и заплакал.

Тотчас на балконе выросла мама близнецов — Марья Васильевна Муркина. Она пристально посмотрела на воробья красивыми раскосыми глазами и ласково мурлыкнула:

— Ты зачем маленьких дразнишь, а?

Затем облизнула ложку, которой только что помешивала на кухне кашу, и этой ярко сверкнувшей лож-кой погрозила воробью.

Увидав кошку-маму, обидчик полетел куда подальше, рыская из стороны в сторону. Полет был таким неровным потому, что Марья Васильевна на днях вырвала Кольке полхвоста за разные шалости.

Тем временем мама окинула взглядом двор и, мгновенно пересчитав котят, крикнула:

— Ребята, где Захар?

Котя и Кутя прекратили бороться и огляделись.

— Он только что... — тяжело дыша, сказал Котя.

— ...здесь был, — закончил Кутя. — Он у нас судьей был.

— Он сходил в магазин?

— Да, — ответили хором Котя и Кутя, — мыло принес. Вот оно. Он только что здесь был.

— Он только что здесь был, — подтвердила Катя. — Я его попросила найти бантик для хвоста.

— Не мог же он сквозь землю провалиться! — встревожилась мама и прыгнула во двор прямо со второго этажа. В развевающемся фартуке она выбежала на улицу и спросила милиционера Аиста, не случилось ли, не дай Бог, какого-нибудь происшествия, виновником которого мог быть рыжий котенок по имени Захар.

Постовой козырнул и ответил, что несколько минут назад рыжий котенок с мылом под мышкой перешел улицу на зеленый свет и благополучно проследовал во двор.

«Сыщик» приближается

Кое-что из биографии. — Экипировка. — Нет преступления.

В это время к дому № 1 на улице Дружбы, где произошло таинственное исчезновение, приближался Всемирно Известный Сыщик.

То есть нельзя сказать, что это был на самом деле Всемирно Известный Сыщик. Справедливее было бы сказать, что это был еще никому не известный сыщик, который намеревался стать Известным в ближайшие дни или даже часы. Только все не было подходящего случая.

Звали этого Известного неизвестного Шарик. То, что он сыщик, могло подтвердить удостоверение, сделанное из двух кусочков картона. На обложке этой маленькой книжки без листков он написал: **Удаставиренье Документ.**

Раскрыв книжечку, он на левой стороне вместо фотокарточки нарисовал свой портрет. На портрете, так же как у Шарика в жизни, одно ухо торчало выше другого. Как известно, главное в документах точность!

Под портретом, чтобы никто не ошибся, он сделал надпись: **Личнасть.**

С правой стороны нацарапал: **Шарик Сыщик.**

Шарик шел из специальной Школы служебно-розыскных собак. Он уже целый год учился в этой школе на Великого Сыщика. Хотя, конечно, то, что делал там Шарик, в полном смысле учебой назвать было нельзя. Собственно, в Школу его на порог не пускали. Он из-за проволочной ограды ежедневно смотрел, как учатся другие. Он смотрел, как крупные породистые курсанты делают разминку, ходят по следу, задерживают преступника. Ну и лодыри там были некоторые!

Этот, например, Руслан Овчаренко. Здоровенный такой. Морда — во, а через забор — не хочет. Шарик все заборы, какие ему встречаются на пути, перепрыгивает. И не один раз. Туда-сюда, туда-сюда! Он бы им там показал, в Школе!.. Ведь он все секретные приемчики знает! И все необходимое есть.

Удостоверение личности — есть. Увеличительное стекло — есть. Сам выточил из доньшка кефирной бутылки. Увеличивает в два раза, искажает в четыре.

Личное оружие — есть. Пистолет. Шарик его с большим удовольствием сделал из мозговой косточки. Дуло из трубчатой кости, увесистая рукоятка. В дуле дырочка. Дунешь, крикнешь — ба-бах! и смертельная горошина догоняет преступника!

Наконец, темные очки есть. Чтобы посторонние не могли читать мысли по глазам.

Всё есть. Только преступления нет, которое нужно распутать.

Но вот Шарик вступил во двор дома № 1 на улице Дружбы.

След, пропадающий в облаках

Столпотворение возле мыла. — Вещественное доказательство. — Одинаковые следы. — Особые приметы Захара. — Запах земляники.

Слух о загадочном исчезновении Захара уже распространился среди жильцов. Они столпились вокруг мыла, а близнецы объясняли, что Захар только что был здесь и вдруг пропал.

Шарик наострил уши. «Вот оно!». Иван Иванович Слон из седьмой квартиры подошел к рыдающей маме, потоптался на месте и сказал прерывающимся голосом:

— Не плачьте, мамаша... Будьте мужчиной.

И вдруг сам зарыдал басом. Слон был такой добрый, что не переносил, когда кто-нибудь плакал. Козел Тимофей сказал:

— Не удивительно, что пропал Захар, он был такой шалун. Было бы удивительней, если бы исчезло мыло. Говорите, мыло здесь? Покажите, где мыло!

— Не трогайте мыло! — раздался вдруг голос, неумолимый, как голос самой судьбы. — Ведь это вещественное доказательство.

Тимофей вздрогнул и обернулся. Перед ним, холодно улыбаясь, стоял незнакомец в темных очках.

— А я и не тро... — начал было Тимофей и вдруг разозлился: — Ты кто такой тут выискался?! Командир, тоже мне! Может, я это вещественное доказательство как раз и хочу отнести куда следует?

— «Куда следует» уже рядом с вами, — веско сказал незнакомец и показал Тимофею удостоверение.

Козел посмотрел в книжечку, как обычно смотрел на уличные афиши: умно, внимательно, делая вид, что он грамотный. А портрет был похож.

— Поня-ятно, — протянул Козел.

И незнакомец спрятал удостоверение.

Ивану Ивановичу тоже очень хотелось заглянуть в книжечку, но попросить он постеснялся. Отведя Тимофея в сторону, Слон шепнул:

— Что там написано?

— Как вылитый, — сказал Козел. — Одно ухо торчком, другое набок.

— Он следовательно?

— Вылитый. Только без очков.

Иван Иванович обратился к незнакомцу:

— Как вы вовремя, товарищ следователь! Простите, не знаю, как вас звать-величать.

— Шарик.

— А по бабушке?

— Да что там? Шарик, и всё.

«Какой хороший следователь, — подумал Иван Иванович. — Занимает такой пост, а скромный». И он уважительно представился;

— Слон Иван Иванович, обитатель, так сказать, этого дома.

Между тем Шарик отогнал Козла от мыла:

— Не топчитесь здесь, вы уничтожаете следы.

— Может, я их сам здесь ищу, — огрызнулся Тимофей.

— Для этого есть специалисты, — отрезал Шарик, доставая увеличительное стекло. — Вас, Иван Иванович, тоже попрошу отойти.

— Ухожу, ухожу, — поспешно сказал Иван Иванович и, стараясь ступать на цыпочках, неуклюже перебрался на асфальтовую дорожку. При этом он подумал: «Шенок щенком, а дело знает».

Тимофей же криво усмехнулся и пробормотал:

— Гляди, гляди! Пострелята — близнецы, значит, следы одинаковые, как обмылки.

— Воздержитесь от ненужных подробностей, — сухо ответил Шарик фразой, которую вычитал в одном детективном романе.

Но противный Козел оказался прав.

Сколько ни разглядывал Шарик следы и в стекло, и без стекла, они были неотличимы друг от друга. Даже мама-кошка не смогла сказать, кому какой принадлежит.

Шарик растерялся. До сих пор все шло по правилам, и вдруг на тебе!

— Хе-хе... — сказал Козел.

Шарик посмотрел на него через увеличительно искажающую лупу. Борода у Козла оказалась на лбу, а рога торчали изо рта, как моржовые клыки.

Шарику захотелось выхватить свой пистолет и — ба-бах! — застрелить это ехидное чудовище. Козел гнул свое:

— Надо сообщить куда следователю, пускай другого присылают. А сами пока разоидемся, чтоб тут ничего не нарушить.

— Ну что вы, Тимоша, в каждом деле бывают трудности, — пробасил Иван Иванович.

И вдруг оба уха у Шарика встали торчком! Это означало, что его лохматую голову осенила гениальная мысль.

Он обратился к близнецам.

— Захар нес мыло?

— Нес! — дружно подтвердили близнецы.

— Следовательно, — Шарик сделал эффектную паузу, — следовательно, его следы должны пахнуть чем? Земляничкой! Ведь мыло земляничное, не так ли, Тимофей?

— Земляничное, — подтвердил Козел.

— Bravo, Шарик! — воскликнул Слон, пораженный простотой и силой этого вывода.

А Шарик уже мчался по земляничному следу. Что-что, а нюх у него был отменный.

След становился всё свежее, свежее, словно пропавший котенок пробежал здесь минуту назад.

И вдруг след пропал!

Шарик резко остановился. Огляделся.

Он стоял посередине волейбольной площадки.

— Что-нибудь случилось, Шарик? — участливо спросил Слон.

— След пропал, — пробормотал сыщик. — Не может он здесь оборваться! — Ухо у него удрученно опустилось.

— Хе-хе, — вставил Козел, — может, кошан разбежался, крылышками взмахнул и на Луну полетел? У нас это просто.

— Ах, Тимофей, — укоризненно сказал Иван Иванович, — в такой момент, когда решается судьба ребенка... Ах!

Тут Шарик, разглядывая землю через лупу в том месте, где оборвался след, воскликнул:

— Ага!!! — и отрывисто спросил Марью Васильевну: — У Захара были особые приметы?

— Ага, — вставил Козел, — крылышки.

— Почему вы говорите «были»? — помертвев, прошептала Марья Васильевна. — Его нет... в живых?!

— Разве я сказал «были»? Я спросил, есть ли у Захара особые приметы.

— Есть, есть! Он... такой хороший.

— Не волнуйтесь. Подумайте. Я спрашиваю о приметах, которые отличали бы Захара от других близнецов.

Марья Васильевна подумала и сказала:

— Он самый хороший.

Все это время Иван Иванович, растопырив уши, похожие на два огромных серых зонта, напряженно прислушивался к разговору. Но вот, кашлянув, он робко подал голос:

— Простите... если могу быть полезен...

— Слушаю вас, — охотно отозвался Шарик, потерявший надежду получить нужные сведения от Захаровой мамы.

— Дело в том, — начал Слон, — что я неоднократно слышал, как один из обитателей нашего двора, некий Воробей Николай, неприлично обзывал Захара... Это выражение, как мне кажется, может послужить той самой особой приметой, которую вы...

Слон смущенно умолк, и его уши порозовели.

— Как же он его обзывал? — нетерпеливо спросил Шарик.

— Боюсь, что я не смогу повторить это ужасное слово.

Уши Ивана Ивановича растопырились и запылали, как два громадных красных зонта.

— Иван Иванович, — твердо сказал Сыщик, — этого требуют интересы дела.

— Ну хорошо, хорошо, я скажу. Воробей обзывал Захара... Он его называл... он дразнил его... рыжим.

Иван Иванович покраснел весь. Даже колени. И даже хвост. Мама Муркина воскликнула с негодованием:

— Какой же он рыжий?! Он очень светлый шатен! Я этому хулигану полхвоста выдрала за то, что дразнился, а вы, Иван Иванович, повторяете всякие гадости о моем сыне... Да я...

Шарик перебил:

— Вот еще одна улика! Стычка мгновенно прекратилась. Шарик продолжал:

— Рыжий во... Волос очень светлого шатена. Улики сходятся. Захар пропал здесь, посреди белого дня и...

Шарик, не закончив, поднял голову и посмотрел в небо.

В огромном небе плыло облачко, очертаниями отдаленно напоминавшее котенка. Котенок медленно-медленно взмахнул полупрозрачной лапой и растворился в синеве. Когда все опустили слезящиеся глаза к земле, на ней не было ни Козла, ни мыла.

Ветерок откуда-то донес слабый запах земляники.

Зрячий рассматривает слепца

Страшный сон. — Источники света. — Вычислительная машина. — Крот в белом халате и Крыс с иглой. — Поводырь.

Кап!

Ухо спящего Захара вздрогнуло, стряхнув воду. Снится Захару, что на солнечном песке борются, пыхтя, Котя и Кутя. А Катя говорит:

— Захарка, найди мне бантик для хвоста, а? Кап!

Ухо Захара опять дрогнуло.

Продолжается сон: идет Захар искать ленточку для сестренки или там, на худой конец, веревочку.

И вдруг вот он, бантик, летит по воздуху, всеми цветами радуги переливается, сверкает, кричит:

— А ну, Захарка, догони!

Бабочка!!! Вот это будет бантик!!!

Мчится Захар за бабочкой.

Она на волейбольную площадку, и он за ней. Подпрыгивает, растопыренными коготками по воздуху царапает, вот-вот поймает для Кати бантик.

Вдруг видит: на земле лежит мячик. Хорошенький такой мячик: наполовину красный, наполовину синий.

«Ой, — обрадовался Захарка, — наш мячик!».

Его недавно мама купила, а он пропал, на свалку ускочил и там пропал. Плакали, плакали, искали, искали — не нашли. А он вот где лежит — на самом видном месте!

Захар забыл про бабочку.

Лапку протянул, хотел поднять мячик, а он — что за диво — зашевелился и провалился в землю! Только круглая черная дырочка осталась. Захар наклонился в дырочку посмотреть, и вдруг оттуда высунулась страшная черная лапа и схватила котенка за шиворот. На месте маленькой дырочки образовалась целая дыра, и Захарка ухнул вниз, в темень. Свалился на сырую землю, а сверху светится отверстие, в которое только что упал. Какая-то стремительная фигура — раз-раз-раз — замуровала отверстие, стало темно...

Спит котенок, а лапками во сне бьет. Кап!

Вскочил Захар, головой мотает. Ух, как страшное Кап!

На земляной пол капля шлепнулась с земляного потолка. Стены земляные. Из стен, как бледные червяки, корни торчат. Дверь железная.

Темнота-а-а...

Хорошо еще, что Захар, как все кошки, в темноте отлично видит.

Сел Захар, подумал. Значит, снилось ему то, что наяву было. Куда же это он провалился? Куда его утянули?

Пошел, дверь толкнул. Закрыто. — Ма-а-ма! — крикнул. Тишина.

Поплакал Захар, поплакал, есть захотелось. Выдернул из стены корень, пожевал, плюнул.

Мама кашу варила. Солнышко светило. У Кати уши просвечивались.

Ничего этого нет.

Вздыхнул Захар, голову запрокинул, стал капли ловить. Двадцать пять капель на язык поймал, двадцать шестая в нос попала.

Вдруг кусок земли отвалился — плюх на пол!

А там — свет!!!

Крохотная дырочка засветилась. Вот он, выход!

Кинулся Захар копать. Копают, копают, копают, свет ярче. Просунул голову в дыру. Зажмурился. Потихоньку разжмуривается, разжмуривается...

Это не двор.

Это громадная пещера.

А свет откуда же? Это по стенам на гвоздях, а по потолку на корнях клеточки развешаны. В каждой клеточке светлячок сидит. Свет тоскливый, зеленый. И холодный. Совсем не солнышко. Не-ет.

Что там еще?

Громадные канцелярские счеты стоймя стоят. Прямо как стена. На каждой железной перекладине суется по хомячку. Бегают туда-сюда, — белые и черные костяшки перекидывают. Чок-чок-чок-чок — стучат костяшки. Прямо как машина работает. Только шестеренки у нее живые — хомячки. И они выкрикивают:

— Десять! Плюс пятнадцать! Минус пять! Итого двадцать кубометров!

«Счетная машина», — сообразил Захар.

Смотрит дальше: напротив живой машины — огромный чертеж. Дом — раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять этажей в доме. Под домом — подвалы. А под ними какие-то ходы-выходы, переходы, пещеры...

Посередине между счетами и чертежом в вертящемся кресле сидит Крот в белом халате, с палочкой.

Он хомячкам дает команду, и они начинают метаться как угорелые. Потом Крот встает и, стуча палочкой перед собой, идет к чертежу.

«Ай-яй-яй, — думает Захар, — слепой дядька-то...».

А Крот, нащупав чертеж, кричит:

— Эй, хомы!

Тотчас несколько хомячков мчатся к Кроту со светляками в клетках и освещают то место, куда Крот тычет палкой. Водя носом по чертежу, Крот рассматривает ходы-выходы под домом.

«Нет, — соображает Захар, — не совсем слепой... Едва видит».

А Крот бормочет:

— Еще девять кубометров под фундаментом слева...

И вдруг кричит:

— Почему эту землю не вынули?! Девять кубометров недосчитали! Р-работнички!

И палкой хомячков дубасить начинает. А те — вот дурачки! — не разбегаются, а, наоборот, освещают себя, чтобы Кроту было видно, куда ударить.

«Ну и ну, — удивляется Захар, — что же это тут творится? Строят, что ли, под землей? Почему из-под палки?».

Вдруг раздался вопль:

— Ти-иха!

И все замерли.

Счетная машина перестала чокать.

Крот застыл с поднятой палкой. Вверх смотрит. Все вверх смотрят. И Захар посмотрел.

Из потолка пещеры высовываются толстые трубы. От них отходят тоненькие трубочки. Эти тоненькие вставлены в уши хомячков. А хомячки сидят на балкончиках и слушают в эти трубочки. Такое устройство, как у доктора, когда он больного прослушивает.

Молчание затянулось, и Крот рявкнул:

— Ну что там, слухач?

Хомячок на балкончике вынул трубки из ушей и крикнул вниз:

— Простите, ничего серьезного. По-моему, это Козел что-то ест.

— Дурак, — сказал Крот.

Захар не понял, кто дурак, Козел или слухач. Но главное сообразил: каким-то образом эти там, с трубочками, подслушивают, что на поверхности происходит.

Через пещеру промчалась большая крыса, отсалютовала громадной, как шпага, иглой и застыла перед Кротом по стойке смирно.

— Пусть провалятся! — крикнула крыса вместо приветствия.

— Пусть провалятся! — ответил Крот. — Это ты, Крыс?

— Я.

— Ты где пропадал, лентяй?!

— В шестьдесят втором туннеле хомы плохо работали. Уговаривал.

— Уговорил?

— Уговорил, — Крыс взмахнул длинной блестящей иглой.

— Никого не убил?

— Что вы!

— Смотри у меня. Убивать нехорошо. Работать некому. Поводыря добыл?

— Добыл! На мячик поймал! — Крыс ощерился в улыбке, обнажив два длинных клыка.

Крот встал, раскрыл объятия:

— Где ты, Крыс? Молодец!

Обнял Крот своего слугу, а потом ка-ак стукнет!

— Это за то, что ты не сразу мне про поводыря сообщил. Надо было сначала про него, а потом про хо-мов. Справедливо?

Крыс угодливо ответил:

— Справедливо!

Захарка заметил, что после удара у Крыса отсутствует левый клык.

— Где же поводырь? — торопил Крот. — Тащи его скорее!

— В камере. Сию секунду!

Захар захотел получше рассмотреть поводыря, которого сейчас доставит Крыс. Котенок начал разгребать землю, она вдруг поползла из-под него, рухнула, и Захарка выкатился прямо под ноги Крысу.

— У-а-а-й, — взвыл Крыс и, цепляясь за корни, стал с необыкновенной быстротой карабкаться по стене.

Крот тоже бросился бежать и сослепу наскочил на счетную машину. От сотрясения с нее градом посыпались живые шестеренки прямо на голову Кроту, а потом рухнул Крыс.

— Вот он, — крикнул Крыс, выбираясь из-под кучи-малы и указывая на Захара. — Поводырь ваш! Выскочил из стены.

Он замахнулся на Захара, оскалив единственный клык.

— Не трогать! — загремел Крот, расшвыривая хомяков. — Где мой поводырь? Эй, хомы!

Несколько хомяков окружили Захарку, направляя на него ослепительный свет. Захар прикрыл глаза лапкой. Крот подошел к нему близко-близко.

— Не бойся, глазастенький! Я о таком, как ты, давно мечтал. Говорят, кошки хорошо в темноте видят...

Ответственное задание: спать!

Без Захара жить неинтересно. — Дружный рев и появление сыщика.

Грустно стало в доме Муркиной.

Котя, Кутя, Катя, Кетя и Китя тихо поели кашу. При этом они не толкались ногами под столом, не шумели. А когда выпили компот, то не стреляли друг в друга вишневыми косточками. Толкаться ногами всегда начинал Захар. И косточки пулять начинал он же. Теперь Захаркин стульчик стоял в углу, его даже к столу не поставили...

Когда легли отдыхать, то ни одна подушка не полетела с кровати на кровать.

Разве можно кидаться подушками без Захара?

Катя полежала-полежала, глядя на свой хвост, и вдруг заплакала:

— Он за бантиком поше-о-о-ол...

Глядя на нее, начал всхлипывать Котя.

За Котей Кутя.

А там и остальные подхватили. Близнецы были дружный народ. И если уж за что брались, то делали это по-настоящему.

В стенку раздраженно постучал сосед, артист разговорного жанра Роберт Робертович Попугай-Амазонский.

Близнецы притихли, но через секунду заревели пуще прежнего.

В комнату вбежала мама:

— Спать сейчас же!

Но не было сегодня в голосе у мамы настоящей строгости, и близнецы заголосили еще сильнее, хотя казалось, что это уже невозможно.

Балконная дверь вдруг распахнулась, и в комнату ворвался Шарик с пистолетом.

— Что случилось?! — крикнул он. Близнецы, как по команде, умолкли.

— Плачем, — дрожащим голосом сказала Катя. — Плачем по Захару.

— Ревем, — солидно подтвердил Котя.

— Хорошо плачете! — воскликнул Шарик. — Великолепно ревете! Я в дверь стучал-стучал — не слышите. Пришлось с пожарной лестницы на балкон прыгать. Теперь как можно скорее спать, потому что каждому из вас может присниться Захар и сказать, где он находится. Поворачивайтесь на бочок и занимайтесь делом. Задание понятно?

— Понятно, — хором ответили близнецы, поворачиваясь на бочок.

И Шарик с мамой ушли на кухню.

Кислое письмо

Еще одна загадка. — Клюквенный сок. — Требование выкупа. — «Ощиплю!» — Муркина точит когти.

В окно влетел сложенный вчетверо листок бумаги и приземлился посередине кухни.

«МУРКИНОЙ» — кровавыми буквами было обозначено на бумаге.

Муркина хотела поднять его, но Сыщик крикнул:

— Не трогайте! — и бросился к окну. Во дворе никого не было.

Да, еще одна загадка...

Когда Шарик обернулся, Муркина была блее бумаги, которая лежала перед ней на полу.

— Чем это написано, Шарик? — дрожащим голосом спросила она. — Неужели... кровью?

Сыщик осторожно опустился на пол и тщательно разглядел письмо в увеличительное стекло. Затем понюхал послание и... осторожно лизнул.

— Ах! — тихо шепнула Муркина. Физиономию сыщика перекосило. Один глаз зажмурился, другой въехал на лоб.

— Что это? Яд?! — крикнула Муркина.

— Клюква, — сказал сыщик. — Это клюквенный сок!

Он поднял послание и развернул. Вот что там было написано:

СЛЫШЬ, МУРКИНА!

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, ЧТОБ ТВОЙ КОТЕНОК БЫЛ ЖИВ, ПОЛОЖИ СЕГОДНЯ В ПОЛНОЧЬ НА СВАЛКЕ МЕШОК МЫЛА, ПОНЯЛА?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ.

В углу был нарисован череп и две кости.

— Так, — сказал Шарик, — косточками нас не испугаешь.

Марья Васильевна нервно била хвостом по стенкам, по холодильнику, по кастрюлькам.

— Нужно сейчас же бежать за мылом! — Муркина устремилась из кухни.

Но Шарик удержал ее и посадил на табуретку.

— Поспешность, как говорил мой дедушка, нужна при ловле некоторых насекомых, — внушительно сказал он. — А нам предстоит ловить кое-кого посерьезней. Понимаете, это

похищение с целью получить выкуп. Давненько мне не встречалось такое преступление! Крепкий, должно быть, орешек!

И великий сыщик задумался. Наконец он медленно произнес:

— План действий созрел.

— Вы что-нибудь придумали? Что же мы будем делать?

Вы не будете делать ничего. Вы будете ждать, пока я обойду жильцов этого дома и незаметно соберу образцы почерков, чтобы сличить их с этим письмом.

— Шарик, вы думаете, что Захара украл кто-нибудь из соседей? Не может быть!

— Всё может быть, — печально улыбнулся многоопытный сыщик. — У вас есть летающие соседи?

Глаза Марьи Васильевны загорелись зеленым фосфорическим блеском.

— Вы думаете, Захарку украли с волейбольной площадки по воздуху? — Она опять кинулась к выходу. — Ощиплю, голым будет бегать!

Сыщик едва успел заслонить дверь.

— Кого вы ощиплете?

— Кольку Воробья!

— Слишком мал для такого дела!

— Верно. — Марья Васильевна бессильно опустила на табуретку и вдруг опять вскочила, хищно выпустив когти: — Ощиплю!

— Кого? — повис на ней Шарик.

— Артиста! Амазонского! В пух и прах!

Шарик с большим трудом внушил Муркиной, что для того, чтобы кого-нибудь с полным правом ощипать в пух и прах, нужны неопровержимые улики. А для этого ему, Шарик, необходимо навеститься к артисту и добыть образец почерка. Если почерк Амазонского будет соответствовать почерку, каким написано письмо, тогда...

— О, тогда, тогда... — Марья Васильевна достала маникюрный прибор и стала точить пилочкой когти.

Фальшивый цветок, пистолет и бревно

Неизвестное рядом. — «Где солидарность?» — Как накрыть преступника. — «Он прикидывается овечкой!»

Сыщик сел на лавочку возле подъезда, где жил Попугай-Амазонский, и уставился на цветник, который был разбит около дома. Стояла безветренная погода, ни один листок не колыхался на газоне. Белые цветы табака поникли и закрылись, оберегая свое нежное нутро от жары. И, странно, только один белый цветок широко расставил во все стороны лепестки и... вместе со

стеблем медленно поворачивался вокруг своей оси. Шарик закрыл глаза и потряс головой.

«Вот жарыща», — подумал он.

Когда он снова посмотрел на цветок, тот стоял спокойно, как сотни других.

Вот здесь бы и присмотреться Шарик повнимательней к этому цветку! Он увидел бы много интересного...

Он обнаружил бы, что внутри цветка нету тычинок, а на их месте — отверстие, которое ведет в пустой стебель. Стебель этот не имеет корней и уходит глубоко под землю. Там, в одном из кротовых тоннелей, пустотелый стебель заканчивается двумя трубочками, которые вставлены в уши хомяка-слухача. Хомяк поворачивает в разные стороны цветок-звукоуловитель и подслушивает, что происходит во дворе.

Шарик, конечно, был очень наблюдательным сыщиком, но этот любопытный цветок он оставил без внимания, чем создал себе много дополнительных хлопот.

Его размышления о том, как, не вызывая подозрений, появиться у Амазонского, прервал Иван Иванович Слон.

Активный общественник направился к подъезду, около которого сидел Шарик.

— Ну что за народ! — сокрушенно бормотал Иван Иванович. — Это просто какой-то невозможный народ!

— О ком это вы, Иван Иванович? — окликнул его Шарж.

— А, это вы, Шарик. Еще раз здравствуйте. Понимаете, завтра у нас должен быть воскресник. Еще месяц назад на общем собрании жильцов я предложил убрать вон ту свалку, — Слон хоботом показал в угол двора, — и устроить там сад. Вы знаете, как все жильцы обрадовались! Единогласно проголосовали «за». А теперь что получается? Я обошел четыре подъезда, и только один Семен Семенович Муравей из семнадцатой квартиры изъявил готовность выйти завтра во двор с лопатой. Остальным, видите ли, некогда. У всех появились неотложные дела. Это, заметьте, в выходной день! Никакой солидарности! Зачем тогда было голосовать?

— Собеседники не подозревали, что в каком-нибудь метре от них, под землей, хомяк, услышав слово «воскресник», насторожился и тихонько повернул цветок-звукоуловитель к Ивану Ивановичу и Шарик. Когда Слон закончил свою речь, хомяк выдернул из ушей слуховые трубки и по бесконечным коридорам стремглав помчался к Кроту. Он мчался в пещеру, вырытую под свалкой.

— Иван Иванович достал простыню, которой пользовался вместо носового платка, и утер вспотевший шишковатый лоб.

— И Шарика осенило!

— Иван Иванович, — сказал он торопливо, — вы мне не поможете провести одну операцию?

— Слон, польщенный оказанным доверием, слегка порозовел.

— Разумеется. Что я должен сделать?

— Вы поможете мне накрыть преступника.

— Понятно. — Слон достал простыню и растянул её за углы. — Этим можно?

— Вы меня не так поняли. Накрыть — значит уличить.

— Прекрасно. Преступник вооружен? Шарик подумал и сказал:

— Не знаю. Скорее всего да.

— Прекрасно. Тогда нужно что-нибудь с собой взять. Хотя бы вон то бревно.

Иван Иванович быстро принес со свалки здоровенное бревно, утыканное страшными ржавыми гвоздями. Он хоботом покрутил в воздухе гигантскую палицу:

— Ну как, подойдет?

— Подождите, Иван Иванович, я объясню вам мой план. Оружие сейчас не нужно. Нам необходимо незаметно добыть у преступника образец его почерка и сличить вот с этим письмом.

— А потом что?

— А потом, если почерк сойдется, преступника необходимо задержать и допросить. Он скажет, где находится похищенный им Захар.

Иван Иванович подумал и сказал:

— А если преступник заподозрит что-то неладное и удерет, пока мы будем сличать почерк?

Шарик ничего не смог ответить на этот резонный вопрос.

— А если, — продолжал Иван Иванович, — преступник поймет, зачем мы явились, и набросится на нас?

Шарик и на это не смог ничего возразить.

— Вот здесь-то, — подвел итог Иван Иванович, — нам и понадобится бревно.

— Пойдите, — слабо защищался Шарик, — мы как ни в чем не бывало придем к преступнику звать его на воскресник. А у нас бревно. Это подозрительно.

— А почему вы думаете, Шарик, что мы должны быть без бревна? Как ни в чем не бывало придем с бревном. Зайдем, скажем: приходите, мол, на воскресник убирать вот такие бревна. Мы замаскируемся этим бревном.

— Но у меня ведь есть пистолет! — Это был последний довод сыщика.

— Ну и что же? — невозмутимо парировал Слон. — Пистолет откажет, бревно — никогда. Кстати, Шарик, если мы собираемся звать преступника на воскресник, значит, эта темная личность является обитателем нашего дома?

Шарик кивнул.

— Ай-яй-яй! Кто же он?

— Артист Попугай-Амазонский!

Иван Иванович выронил свое оружие, и Шарика подбросило маленькое землетрясение.

— Что вы, все, кто его знает, говорят, что Амазонский и мухи не обидит. Спросите у кого угодно. Правда, работа у него, я слышал, нервная и сам он немного нервный, но...

— Я думаю, это маска, — твердо сказал Шарик. — Прикидывается, понимаете ли, овечкой. Поверьте моему опыту: все умные преступники именно так и поступают. От этого они вдвойне опасны.

Иван Иванович поднял бревно и решительно произнес:

— Раз так, идем! Ах, злодей!!!

Как сделать зайкой

«В каком смысле «мяу»? — Артист работает над собой. — Обморок. — Обыск в квартире. — Образец почерка.

Сыщик и Слон тихонько поднялись по лестнице и остановились у двери коварного артиста. Иван Иванович шумно дышал.

— Тсс, — зашипел на него Шарик и приник ухом к двери.

Сначала слышалось неразборчивое бормотанье:

— Бу-бу-бу-бу, бу-бу-бу. Потом отчетливо раздалось:

— Мя-я-у... Еще раз:

— Мя-я-у...

Холодок пробежал по спине сыщика. Так вот где находится похищенный Захар! Какая дьявольская хитрость: спрятать котенка в двух шагах от его собственного дома!

— Мяу-мяу, спи, мой крошка! — донеслось из-за двери. — Мяу-мяу, ляжем спать, мяу-мяу, на кровать.

— Ничего не понимаю, — приглушенным басом сказал Слон. — В каком смысле мяу?

— Захар здесь, — шепотом пояснил Шарик. — Преступник убаюкивает малыша, чтобы он не шумел.

Ах, злодей! — Иван Иванович задрожал от гнева. — Нужно застать его врасплох!

— Ломайте дверь! — трясаясь и подпрыгивая от нетерпения, приказал Шарик. — Поймаем его с поличным!

Иван Иванович начал раскачивать бревно, целясь в дверь Попугая-Амазонского...

В это время ничего не подозревающий артист работал над собой. Он готовил новую программу, которую намеревался читать в детских садах и яслях. Стоя перед зеркалом, Амазонский с пафосом читал, простирая вперед блистающее крыло:

Прибежала мышка-мать,
Поглядела на кровать,
Ищет глупого мышонка,
А мышонка...

Артист сделал паузу, любуясь собой в зеркале, с большой силой опустил крыло и закончил: ... не видать!!!

Некоторое время он стоял под шквалом воображаемых аплодисментов, потом медленно, с достоинством поклонился своему отражению.

В этот чудесный творческий момент раздался ужасающий грохот, и Амазонский, расколотый на тысячи кусков, посыпался на пол. То есть это зеркало было разбито обломком двери, влетевшим из прихожей. Когда Амазонский обернулся, перед ним плавал зрачок пистолета.

Над головой, готовая обрушиться, висела какая-то балка, утыканная смертоносными шипами.

Скачок из мира искусства в этот ужас был таким неожиданным, что тонкие нервы артиста не выдержали.

«А мышонка не видать», — почему-то проплыло в голове, и он грохнулся в обморок, веером откинув крыло и задрал ноги к потолку.

— Постерегите его! — распорядился сыщик и бросился искать Захара.

Осмотрел кухню. Залез под раковину. Вылез с паутиной на ухе.

Никого.

Заглянул в ванную комнату. В ванне стояли выпачканные в грязи лаковые туфли. А котенка нету.

В прихожей тоже нет. Побежал в другую комнату. В пустой комнате одиноко стоял платяной шкаф. Шарик подкрался, резко распахнул дверцы. В пустом шкафу, сиротливо покачиваясь, висел фрак.

Сыщик остановился, прислушался.

В соседней комнате шумно дышал Иван Иванович.

Артист не издавал ни звука.

На стене, приклеенная по углам кусочками жеваного хлеба, висела афиша с портретом грозно насупленного Роберта Робертовича. Громадные буквы извещали:

С. МАРШАК СКАЗКА О ГЛУПОМ МЫШОНКЕ

Читает

Р. Р. ПОПУГАЙ-АМАЗОНСКИЙ

Шарик начал понимать, что произошла ужасная ошибка. Захара в квартире артиста не было. Всё еще на что-то надеясь, крикнул:

— Захар, не бойся, мы пришли тебя выручать! Тишина.

«Значит, — решил сыщик, — Захар спрятан в другом месте. С поличным не поймали, надо припереть к стенке неопровержимыми уликами. Не вызывая подозрений, взять образец почерка».

Когда Шарик вышел в соседнюю комнату, артист зашевелился, подобрал крыло и сел.

— Кто вы та-такие? — залепетал Роберт Робертович. — Что вам ну-нужно?

— Мы пришли пригласить вас на воскресник. Придете?

— Я с-делаю всё, что вы хо-хотите. Только не убивайте.

— В таком случае распишитесь, что вы придете. Вот здесь.

Шарик протянул Амазонскому блокнот и костяную ручку.

— С у-удовольствием.

Амазонский написал извивающимися, как пиявки, буквами:

Р. Р. ПОПУГАЙ-АМАЗОНСКИЙ

С первого взгляда Шарик понял: таинственное письмо написано другой рукой. Все предположения сыщика рухнули в одну секунду. Перед ним с ослепи тельной ясностью встало все, что они натворили: взломали дверь честному артисту, довели его до обморока и сделали заикой. Артист разговорного жанра — заика!

— О-о, — застонал Шарик. — О-о-о!

— Что случилось? — шепотом сказал Иван Иванович. — Это не он?

Шарик отрицательно покачал головой.

— О-о, — застонал Слон, — о-о. Шарик!!!! Извините великодушно, — умоляюще обратился он к Попугаю-Амазонскому, — произошла какая-то дикая ошибка. Я принесу вам свою дверь, я...

— Подождите, Иван Иванович, — остановил его Шарик, — не в двери дело. Роберт Робертович, почитайте, пожалуйста, стихи, которые вы декламировали перед нашим приходом.

— Если угодно... — тотчас согласился Амазонский и, выбросив вперед блистающее крыло, начал:

— Прибежала мышка-мать...

— Роберт Робертович, вы не... вы не заикаетесь?! Артист застенчиво усмехнулся:

— А-а, пусть это вас не тревожит. У меня бывает иногда... от неожиданности. Но когда опасность минует, всё быстро проходит.

— До свидания! — с облегчением воскликнул Шарик. — Извините.

— Извините, — пробасил Иван Иванович. — До свиданья. — Он с кряхтеньем выдернул бревно, заст рывшее между полом и потолком. — Дверь я вам обязательно принесу!

— Бог с ней, с дверью! — засмеялся артист. Когда Сыщик с Иваном Ивановичем спустились вниз и сели на лавочку, Слон произнес:

— Да-а-а, Шарик...

— Сыщик сидел, опустив уши на глаза.

Подрывная деятельность в недрах двора

«Пусть провалятся!» — Хитрость. — Об именах. — Срочное донесение: воскресник! — Пещера. — «Ты убьешь слона!»

— Не бойся, глазастенький! — Крот погладил Захарку по голове, а Захарка фыркнул и отскочил в сторону.

Крохотные глазки Крота наполнились слезами, он всхлипнул и начал причитать:

— Бедный, бедный старый слепец! Маленький, миленький котенок его как чумы боится! А за что? Разве я когда-нибудь кому-нибудь что-нибудь сделал плохого? Наоборот, все обижали меня! Когда там, наверху, строили девятиэтажный дом, экскаваторы разрушили все мои подземные постройки и уничтожили громадные запасы зерна, червяков и различных семян. С тех пор целью жизни моей стала страшная месть. «Пусть провалятся!» — решил я и начал строительство подкопа...

— Это вы под наш дом подкоп строите? — спросил Захар. — Кто это должен провалиться? Мы, что ли, все?

— Что ты, малыш! — засуетился Крот, сообразив, что сказал больше, чем нужно.

Только сейчас Захарка понял смысл деятельности, которая кипела в пещере. Страшная опасность угрожала маме, братьям и сестренке, всем жителям девятиэтажного дома на улице Дружбы. Дом может рухнуть, похоронив под собой всех его обитателей! Нужно немедленно предупредить об опасности!

Захарка присел, шмыгнул между ног у Крота и бросился к выходу из пещеры.

— Держи-и его, Крыс! — закричал Крот.

Крыс в два прыжка настиг Захара и кольнул его в спину иглой.

— Еще раз вздумаешь бежать, прокалю насквозь! — зашипел Крыс.

Захар узнал лапу, которая утянула его под землю, а сейчас тащила к Кроту.

— Вот что, малыш, — сказал Крот, — бежать тебе некуда, всё равно заблудишься в тоннелях. Их у меня тысячи. Ты будешь у меня поводырем, я стал плохо видеть. Согласен ты помочь бедному старому инвалиду?..

— Умру, а водить вас никуда не буду! — крикнул Захарка.

Крот приказал: — Хомя, ошейник!

Тотчас подскочили два хомяка с ошейником и прикрепленной к нему цепочкой.

Захар решил бороться до конца и изо всей силы толкнул хомяка в грудь. Второй повис на Захаре сзади. Захар лягнул его ногой и вдруг услышал шепот:

— Соглашайся, котенок. Мы тебе потом поможем. А то погибнешь ни за грош.

И подумал Захарка так: «Ну, убьют меня, а что толку от этого? Нет, надо схитрить, а потом убежать, чтобы сообщить на поверхность».

Захар покорно дал надеть на себя ошейник, цепочку от которого хомяки с низким поклоном вложили в лапу Кроту.

Крот сильно дернул поводок, и Захарка повалился к его ногам, заплакав:

— Ой, дяденька, больно! Я согла-а-асен!

— А-а, — с удовлетворением произнес Крот, — жидок на расправу! Веди меня к счетной машине.

Захарка быстро отвел Крота к машине.

— Теперь к чертежу.

Хомяк, который надевал на Захара ошейник, украдкой показал: поддержи, мол, под локоток Крота. Захар, хоть и противно было, поддержал. А Крот прямо-таки растаял.

— Тебя как зовут? — спросил он милостиво.

— Захар.

— Молодец, Захар! Хорошо дрессировке поддаешься.

Захарка едва удержался от того, чтобы подставить Кроту ножку. Понял бы, как мы поддаемся!

— Эй, хомы! — приказал повеселевший Крот. — Накормите моего поводыря!

Знакомые хомяки притащили молока, и Захар подкрепился, с тоской вспоминая мамину кашу. «Ничего, — решил, — доберемся когда-нибудь и до каши».

Хомячок, наливая молоко, шепнул:

— Молодец. Так и держись.

Смотрит Захар, у хомяка на спине, прямо на шерстке, номер выжжен: 222. А у другого — 151. Смотрит — э, да тут все хомячки пронумерованы. Живые цифры бегают!

Поел Захар, повеселел, думает: «Эх, дрессироваться так дрессироваться!».

И говорит:

— Крот, скажите, пожалуйста, зачем у ваших ничтожных хомов цифры на спине?

Крот, довольный, что Захарка к нему так вежливо обратился, ослабил и сказал:

— А чтоб звать, глупышка.

— Разве у них имени нет? Крот захохотал:

— А зачем им, ничтожным, имя? Имя у меня есть. У Крыса. Ну и тебя за хорошее поведение я решил осчастливить: имя оставить. А то мог бы назвать ка ким-нибудь... ха-ха... нулем. Без палочки. Так что цени мою доброту. Ценишь?

— Ценю, — насилу выдавил из себя Захарка.

— Молодец. Хочешь Крысу отомстить? Он на тебя замахивался, помнишь? Лупи, не стесняйся. Эй, Крыс, давай сюда свое очаровательное личико!

Крыс подставил свою отвратительную физиономию и зажмурился.

— Нет, — сказал Захарка, — в честном бою я бы ударил. А так не хочу.

— В честном бою, — наставительно сказал Крот, — и сам можешь получить. Несмышленый ты еще. Ничего, я тебя воспитаю.

«Как бы не так», — подумал Захар. Где-то далеко послышался крик:

— Срочное донесение! Срочное донесение! Прочь с дороги!

Крот наострил уши.

Крик приближался, и вот в пещеру ворвался хомяк и бросился к Кроту.

— Пусть провалятся! — выпалил он, задыхаясь.

— Пусть провалятся! — ответил Крот. — Кто ты?

— Слухач... тридцать второй! Пост подслушивания у пятого подъезда! — Вестник едва стоял на ногах и часто-часто дышал.

— Докладывай.

— Слон собирает верхних на воскресник. Хочет... убрать свалку, под ней... копать, чтобы посадить деревья...

— Что-о?! — заревел Крот. — Когда воскресник назначили?

— Слон проболтайся, что воскресник завтра. — Слухач покачнулся, хватая воздух широко открытым ртом.

— Ты понимаешь, что ты говоришь, хом? Они же вот здесь копать будут! — Крот показал на потолок пещеры. — Они же все ходы-выходы обнаружат и до Главной пещеры доберутся под домом! Ты не ослышался, хом? Коли ты ослышался, я тебя...

— Я не ослышался, — прошептал хомяк. — Слон еще говорил, что жильцы не хотят идти на воскресник. Так что есть надежда... Со Слоном... сыщик... ищет котенка...

Крот распоряжался:

— Вычислители, на машину! Немедленно рассчитать, сколько рабочих нужно, чтобы дом рухнул завтра утром до начала воскресника!

Хомяки полезли на счеты, и машина заработала, застучала: чок-чок-чок.

Крот продолжал командовать:

— Сто пятьдесят первый, двести двадцать второй! Тележку мне, быстро!

Хомяки побежали в темноту, и Крот приказал Захарке:

— Веди за ними!

Что делать? Повел Захар Крота с надеждой, что где-нибудь обнаружит выход на поверхность и сейчас же убежит.

Подскочил вычислитель:

— Пусть провалятся!

— Давай без церемоний! — рявкнул Крот.

— Чтобы дом рухнул завтра, необходимо направить в Главную пещеру сто двадцать рабочих!

— Крыс!

— Я!

— Поднимай вторую смену! Гони в Главную!

— Будет сделано! — Крыс умчался.

Через железные, ржавые от сырости ворота Захар вывел Крота в тоннель. Он был слабо освещен светляками, подвешенными в клеточках к потолку. Цепочка зеленоватых огней уходила далеко-далеко вниз и терялась во тьме. Было сыро. Кое-где наверху медленно набухали капли воды и начинали бросать на стены тусклые блики. Потом капля отрывалась, блики пропадали, и слышалось: кап. Весь тоннель призрачно мерцал и был наполнен таинственным шорохом капель.

— Где же тележка? — топнул Крот ногой.

Вдалеке послышался стук колес, и вскоре из-за поворота вывернулся четырехколесный экипаж, запряженный всё теми же хомяками. Чтобы удобнее бегать подземными ходами, они были запряжены цугом, то есть один за другим, длинной цепочкой. Правили упряжкой сто пятьдесят первый и двести двадцать второй.

— Гони! — крикнул Крот, и тележка помчалась. Тридцать, посчитал Здохар, хомяков тащили его изо всех сил.

В ушах начало гудеть. Редкие огоньки начали сливаться в бледную зеленоватую ленту.

— Гони! — кричал Крот отчаянно. — Быстрее!

И вот выкатилась тележка в такую громадную пещеру, по сравнению с которой первая ничего не стоила!

То есть сначала Захар подумал: «Ой, вверх выехали!». Потом подумал: «Ой, ночь уже».

Он так подумал, потому что небо было усеяно звездами.

Понюхал воздух — нет, всё такой же, земляной воздух, спертый...

Пригляделся к звездам, а это не звезды! Светлячки копошатся так далеко, что потолка не видно.

Вот такая громадная пещера! Целый дом в нее рухнет — и антенны торчать не будут.

— Ну как, малыш? — злорадствует Крот. — Хорошенькую дыру я под вас подвел? А ну, проверим, как там под потолком хомы работают. Тут в стене лестница должна быть. Веди.

Повел Захарка Крота по земляным ступеням. Шли-шли, шли-шли. Крот запыхался.

— Стоп, — говорит. — Дай-ка мне камешек, узнаем, высоко ли мы поднялись.

Кинул камешек в пропасть, ждет, голову наклонил.

Долго летел камешек, наконец стукнул. Крот говорит:

— Скоро потолок. Веди. Захарка думает:

«Столкну я его в пропасть. Пусть разбивается. Сейчас еще повыше заберемся, ка-ак толкну! Ой, нельзя... Он меня за цепочку потянет. Себя не жалко. Разобьюсь, а Крыс все равно рабочих пригонит, подкоп доделает. Надо живым выбираться».

— Ты что притих? — подозрительно спрашивает Крот и дергает поводок.

— Да вот, смотрю, — хитрит Захарка. — Как интересно тут у вас!

Светляки всё ярче, ярче разгораются. Стали видны хомяки, которые должны вести подкоп под фундамент дома. Только, кажется, плевать им было на работу. Кто сидел, кто лежал, а кто и вовсе храпел.

— Что-то я не слышу шума работы, — сказал Крот.

Но тут один из хомяков свистнул, и все бросились по местам. Зашуршало, загремело, застучало.

— Работают вовсю, — сказал Захарка.

Крот приказал сделать минутный перерыв и прокричал речь. Он призывал удвоить и утроить усилия, обещал райскую жизнь и отпуск на целые сутки, после того как дом будет разрушен.

— Пусть провалятся! — закончил он свое пламенное выступление.

— Пусть! — нестройно ответили хомяки. В их глазах тлели мрачные огоньки.

Захар радовался, глядя на них. Он знал, что стоит только Кроту уйти, и они опять бросят работу.

Когда спустились, из тоннеля повалила толпа, подгоняемая Крысом.

— Живей, живей! — покрикивал надсмотрщик, взмахивая иглой.

Перепуганные хомяки быстро разбежались по местам, и работа закипела: заскрипели тачки с землей, потянулись нескончаемой вереницей; раздался стук молотков — это десятки рабочих, облепив со всех сторон кирпич, старались разбить его на мелкие кусочки.

— Р-раз, два, взяли, р-раз, два, взяли, — вопили где-то в клубах пыли охрипшие глотки.

Всюду попевал злой и неутомимый Крыс: подталкивал, понукал, бил, колот. Дикий страх наводила на хомяков его морда с пыльными глазами и единственным желтым клыком.

Все это время Крот сидел с отсутствующим видом, словно происходящее вокруг его не интересовало. Он что-то напряженно обдумывал. Наконец какая-то мысль пришла в его шерстяную голову, он осклабился, довольный, и позвал:

— Крыс!

— Я, — подскочил Крыс, стряхивая пыль с ушей.

Ты пойдешь наверх и убьешь Слона. Иглой. Это Слон всех тащит на воскресник. А без Слона там каждый сам по себе. Без Слона они с нами не сладят.

Крыс затрясся:

— Вы что, серьезно? Что я вам плохого сделал? Он же меня растопчет!

— Не растопчет. Крыс! Я всё обдумал. Крот достал пузырек с темной жидкостью.

— Здесь яд. Достаточно, чтобы убить сотню Слонов. Обмакнешь иглу перед тем, как уколоть. Понял? Еще ни один Крыс не побеждал Слона. О тебе будут рассказывать легенды. О тебе песни будут петь, Крыс! «Дивный Крыс, славный Крыс, храбрый Крыс Слона загрыз!». Что-нибудь такое.

— Песни ни к чему, — сказал Крыс. — На что мне огласка. Может, что-нибудь дадите?

— Всё дам!

— Всё — это ничего, — умильно завил хвостом Крыс. — Мне лучше что-нибудь...

— Проси, дорогой. Крыс замялся.

— Халат, — промолвил он, — халат дадите? Я тоже хочу в белом халате...

Крот захохотал:

— Тебе? Белый? Я же тебя на помойке нашел... Ладно, будет тебе халат.

— И чтоб про... помойку не вспоминать, — робко выставил еще одно требование Крыс.

— Хорошо, хорошо...

— И чтоб... при хомах меня не бить. В одиночку — разве я против? А при хомах... авторитет падает, — прошептал Крыс.

— Ладно уж, — великодушно согласился Крот, — буду бить в одиночку. Ступай, дорогой. И про сыщика этого не забудь, который моего поводыря разыскивает. Еще нападет на след...

— Два убийства! — ужаснулся Крыс.

— Иди, иди. Ты им уже счет потерял. Крот сунул Крысу пузырек. Крыс рывкнул:

— Пусть провалятся!

И стремглав умчался в темный тоннель. Захарка с криком кинулся за ним, но железная лапа Крота рванула поводок, и Захар упал на землю.

Фигура с пыльными глазами

Разговор с веселым Николаем. — Зачем Козлу мыло? — Сыщик скрывает, что он сыщик. — Неудачная погоня. — Артист упал.

Сыщик понуро сидел на лавочке, сокрушенный своей неудачей. Что делать теперь, он не знал. Достал письмо и в который раз начал изучать его через лупу.

— Слышь, друг, — раздался откуда-то сверху голос, — ты, что ли, сыщик?

Шарик поднял глаза и увидел Воробья, сидевшего на пожарной лестнице.

— Ну, я сыщик.

— Это я написал, понял?

— Ты?

— Я, аче?

— Значит, ты — «неизвестный доброжелатель»?

— Не. Доброжелатель не я. А написал я. Понял?

— Не понял.

— Козел попросил, я написал. Он неграмотный.

— Зачем ты написал?

Воробей, шурша крыльями, перелетел на лавочку и сел рядом с Шариком.

— Ты что, тоже неграмотный? Для смеха, понял? Мне Козел грит: слышь, Николай! Николай — это я, понял? Слышь, грит, Николай, давай Муркиной письмо подбросим. Ты посмеешься, а я мыло заработаю. Ну, я согласился. Я страсть люблю посмеяться.

— Посмеялся?

— Не, — Колька вздохнул, — несмешно получилось. И вообще... Понял?

— Что «вообще»?

— То. Я в такие игрушки не играю. Ну, дразнил я Захарку. Это ж не со зла. Посмеяться люблю, и всё. А Тимофей решил на чужой беде нажиться. Спекулянт.

— Скорей всего он не спекулянт, а похититель, — внушительно сказал сыщик.

— Да ну? — испугался Воробей.

— Точно тебе говорю.

— Ай-яй, как он меня на понял-понял взял, ты понял? Ну я ему устрою!

— Ничего не предпринимай без меня. Ты мне уже задал работы своим письмом.

— Хорошо, — согласился Воробей.

— Слушай, ты знаешь, зачем Козлу мыло?

— Он его собирает. Хобби, понял? Вся квартира мылом забита, а сам не умывается. Смехота!

— А почему он тебе сказал клюквенным соком писать?

Воробей виновато потупился:

— Это я придумал. Для смеха. И череп придумал.

— Юморист! — в сердцах сказал Шарик. — Нашел чем пугать бедную кошку-маму! Умишко у тебя, прямо сказать, не длиннее твоего клюва!

— Может быть, — усмехнулся Колька и вспорхнул. Сделав круг над Шариком, он подмигнул черным смысленным глазом и крикнул:

— Артиста вы здорово уработали! Никогда так не смеялся!

— А ты видел?

— Всю сцену, от начала до конца. Пока, умник! Понял?

И Колька полетел в свою квартиру под крышей. «Ночью на свалке засада на Козла!» — решил Шарик.

Шарик совсем уже было решил отправиться к маме Муркиной, чтобы рассказать ей о последних событиях, как вдруг внимание его привлекла странная фигура, опустившаяся на лавочку. Это было довольно страшное существо женского пола в сатиновом платочке, грязной цветастой юбке. Из рта существа торчал зуб.

— Ох-о-о-хонюшки, — сказала существо тонким старушечьим голоском, — уморился ...лась!

Оно достало из базарной кошелки грязную тряпку, большую иглу и начало вышивать толстой черной ниткой.

Через некоторое время существо покосилось на Шарика и, явно желая завести разговор, сладко пропело:

— Отдыхаем?

Шарик неопределенно пожал плечами. Что-то подозрительное было в этой неопрятной фигуре. Глаза у нее были какие-то пыльные, и от нее тянуло погребом. Шарик отодвинулся.

— А вы не знаете, — поинтересовалась фигура, — где живет Слон из седьмой квартиры?

— В седьмой квартире.

— Я неправильно выразилась. Я хотела сказать, где он сейчас находится? Вы не знаете?

— Он за саженцами поехал.

— За саженцами?

— Ну да. Для завтрашнего воскресника.

— Ах вот как, — сказала фигура подчеркнуто безразличным тоном, — значит, воскресник все-таки состоится?

— Да, я думаю, Иван Иванович этого дела так не оставит.

— Какой упорный, — процедила фигура. — Он заслужит то, что ему полагается. А скажите, вам известен сыщик, который занимается делом об украденном котенке?

Шарик чуть не признался: «Это я». Но какое-то шестое, а может быть, и седьмое чувство, именуемое интуицией сыщика, подсказало ему, что делать этого не следует.

— Знаю, — сказал Шарик. — Всё время здесь был. Куда-то отлучился.

— Вы мне его покажите, — шепнула фигура. — Век прожила, никогда не видела живого сыщика.

— Обязательно покажу... Со временем... Шарик не подозревал, что этим ответом он, может быть, спас себе жизнь.

Фигура придвинулась к Шарiku и горячо зашептала ему на ухо:

— Слушай, давай дружить, а? Ты мне всё рассказывай и показывай. Я тут ничего не знаю, приехала из-за тридевять земель...

— Откуда вы знаете, что котенок украден? — неожиданно спросил Шарик.

Фигура так и подпрыгнула.

— Что с вами?

— Я... я... я иголкой укололся... лась... лось... ся... сясь.

— Откуда вы знаете, что котенок украден? — отдельно повторил Шарик.

— Что? — фигура приставила лапу к уху. — Не слышу!

— Оглохли?

— Да. Ну, я пошла потихонечку, а то засиделся...

— Подождите. Откуда вы знаете...

— А пошел ты, — зарычала вдруг фигура и шмыгнула в подъезд.

Шарик за ней.

С головы таинственного существа слетела косынка и закрыла Шарiku глаза. Он покотился по лестничной площадке, стукнулся головой о стену и потерял сознание.

Через несколько мгновений он пришел в себя и, выхватив пистолет, стремглав помчался по этажам. На последней, девятой, площадке никого не было. Люк на чердак закрыт.

Разочарованный, злой на себя за очередную неудачу, сыщик поплелся вниз. Когда он спустился до второго этажа, из выломанной двери потянуло затхлым земляным запахом...

Шарик, не постучав (ибо стучать было не во что), ворвался в квартиру Амазонского.

Знакомое зрелище открылось глазам сыщика.

Артист, как давеча, сидел на полу и, раскачиваясь из стороны в сторону, читал:

При-при-прибежала кры-крыса-мать,
На вос-вос-воскресник стала звать...

Шарик присел рядом с артистом и встряхнул его:

— Роберт Робертович, вы меня узнаете? Попугай-Амазонский посмотрел на Шарика туманным взглядом:

— А-а, это вы... Я же ска-ска-сказал, что при-приду...

— Что здесь произошло, Роберт Робертович?

— При-прибежала крыса. Во-о-от такая! Я упал. Шарик выбежал на балкон. Осмотрел двор.

В арку въезжала машина, груженная саженцами. Иван Иванович стоял в кузове, опираясь на кабину.

Через двор по направлению к свалке двигался некто в черном фраке, с хозяйственной кошелкой. С кошелкой загадочного существа!

— Стой! — закричал Шарик. — Стрелять буду! Некто во фраке метнулся и исчез в мешанине бревен, досок, ржавого железа и другого мусора.

Шарик пошел в комнату и распахнул шкаф. В нем висели пустые плечики. На дне валялась тряпка. Шарик узнал в ней цветастую юбку...

Амазонский, не веря своим глазам, снял плечики и внимательно осмотрел.

— Был фрак, — сказал он. — Фрак был. Нет фрака. Где фрак?

Шарик вздохнул:

— На свалке.

Нервы артиста, расшатанные всяческими неожиданностями, не выдержали. Он упал, откинув веером крыло и задрал ноги к потолку.

Капля яда дрожит на конце иглы

План покушения. — Мешок, освещенный луной. — «Ты где, Правосудие?» — Козел взлетает и проваливается. — Что такое смелость.

Наступил вечер.

Белые цветы табака распрямились, расправили лепестки и, слабо светясь в полумраке, распространяли сладкий запах до девятого этажа. Жители дома, придя с работы, распахнули окна и балконные двери, чтобы впустить в квартиры, раскаленные за день, вечернюю прохладу.

Потом окна начали мерцать голубоватым светом: заработали телевизоры. Затем окна погасли. Взошла большая Луна, и в ее светлый круг впечатался темный силуэт мамы Муркиной. Она сидела на балконе, чутко поводила ушами, ловя малейший звук. Она ждала Захара.

Дом безмятежно спал, не подозревая, что стоит над пропастью.

Лишь одно окно светилось в этот поздний час — окно Ивана Ивановича. За ним наблюдал, притаившись в тени дерева, Крыс. Сжимая в корявой лапе смертоносную иглу, он строил планы покушения.

По занавеске проплыла тень Слона.

«Подхожу к двери — соображал Крыс, — обмакиваю иглу в яд. Слон спрашивает: кто там? Я говорю: вам телеграмма. Он открывает, я его закалываю и... «Славный Крыс, храбрый Крыс! Халат твой!».

По занавеске пробежала чья-то тень.

«Эге! — струсил храбрый Крыс. — Слон-то не один...».

Свет в квартире погас, и через некоторое время из подъезда показался Иван Иванович. Его большие бока и крутой лоб отливали таинственным лунным блеском. Крыс, притаившийся за стволом дерева, разглядел, что Иван Иванович несет мешок. Слон шел прямо на Крыса. Крыс не привык встречать противника лицом к лицу. Кроме того, ночью Слон казался таким громадным и сильным, что поджилки у Крыса задрожали, он в панике кинулся на свалку и спрятался в каком-то ящике.

Раздались голоса. Слон с кем-то разговаривал! Крыс мог дать голову на отсечение, что Иван Иванович шел через двор один.

Через некоторое время послышалось кряхтенье, непонятное шуршанье, треск, и всё стихло.

Крыс ждал, что вот-вот раздастся шум удаляющихся шагов. Тогда он обмакнет иголку в яд, выскочит из укрытия и нападет сзади!

Однако не раздавалось ни звука.

Крыс тихо-тихо выглянул из своего убежища.

Никого.

Под деревом, освещенный луной, стоял мешок. «Слон вынес в мешке мусор, — решил Крыс. — А как Слон ушел, я не заметил».

Он решил покинуть укрытие, встал... и стремительно присел.

Дверь подъезда негромко хлопнула. Крыс поглядел в ту сторону, откуда донесся звук. Блеснули два желтых огонька.

Козел Тимофей крался за мешком мыла. Он двигался из тени в тень короткими перебежками. Добрался до мешка, взвалил его на спину и пошел домой. Мешок был тяжелый. Но это была приятная тяжесть.

«Интересно, — думал Тимофей, — какого мыла мне отвалила Муркина? А вдруг хозяйственного?». Это был его самый нелюбимый сорт.

— Где Захар? — раздался голос за спиной Тимофея.

— Не зна... Ой! — Тимофей обернулся. Сзади никого не было.

«Показалось, — решил Козел. — Конечно, показалось»..

— Где Захар? — опять спросил сзади голос. Тимофей обернулся. Никого. Козел задрожал всем телом и спросил:

— Кто это?

— Правосудие, — ответил голос. И опять он прозвучал откуда-то из-за спины.

Шерсть на Тимофее встала дыбом и между волосинками побежали электрические искры.

— Ты где? — прошептал Козел. — Ты где, Правосудие?

— Я везде, — отвечал леденящий голос. — Отвечай, где Захар?

— Не знаю! — пискнул Тимофей и выронил мешок, который, упав, почему-то глухо вскрикнул.

Козел бросился бежать, но какая-то неведомая сила схватила его за рога и подняла в воздух. Тимофей не сразу понял, что висит где-то между небом и землей, и поэтому продолжал перебирать ногами. Потом до него дошло, что от могущественного Правосудия не убежишь, и Тимофей перестал брыкаться.

— Сознаться, ты украл котенка? — допрашивал голос теперь уже снизу.

— Я не кра... нет, нет, я не знаю, где он!

— А письмо зачем написал?

— Эти не я! Это Колька писал!

— Кто его научил?

...Воробей Николай проснулся от приглушенных вскриков и бормотания, доносившихся со двора. Он вскочил, встряхнулся и выглянул во двор. «Это не я! Это Колька писал!» — ныл Козел. В один миг расшвирипевший Николай, словно коршун, спикировал на нос Тимофею и принялся долбать его клювом, приговаривая:

— На меня всё хочешь свалить! Не выйдет! Понял? Понял? Понял?

— Понял!

Снизу раздался голос:

— Похоже, он не врет. Он на самом деле не знает, где Захар. Отпустите его, Иван Иванович.

Козел шмякнулся на землю, вскочил и отбежал в сторону, дико блестя глазами. Из мешка вылез Шарик.

С дерева, крихтя и ломая ветки, спускался Иван Иванович. Тимофей понял, что это Слон, спустив с дерева хобот, держал его за рога.

Слон укоризненно покачал головой:

— Как же ты мог так поступить, Тимоша? Ты же, в сущности, добрый, отзывчивый Козел... А какие страдания принес бедной маме Муркиной!

Тимофей горестно вздохнул:

— Жадность обуяла, проклятая... Нездоровая страсть...

Из глаза его выкатилась слеза и, сверкнув, как драгоценный камень, разбилась о волейбольную площадку Слез и в самом деле была драгоценной. Это была слеза раскаяния.

— Эх! — Тимофей скрипнул зубами. — Хоть бы сквозь землю от стыда провалиться!!!

Он что есть силы топнул ногой. Земля под Тимофеем раздалась, и он рухнул в черную щель.

Посредине ровной, как стол, освещенной лунной волейбольной площадки, подмяв бороду, лежала рогатая голова с выпученными глазами.

«То в воздух, то под землю... — покорно подумал Козел. — Наверное, так надо...».

Он закрыл глаза и приготовился падать до центра Земли. Но тут же почувствовал, что опять взлетает. Иван Иванович уже испытанным способом выхватил Тимофея из ямы и поставил на твердую почву. От перенесенных потрясений Козел не мог стоять и всё время валился набок. Зубы у него стучали.

Воробей Николай от хохота свалился с ветки. Он так обессилел от смеха, что не смог взмахнуть крыльями и зарылся носом в песок. Но и это не остановило приступа неудержимого веселья.

— Ой, умру! — причитал Колька, валяясь по песку. — Ну ты понял, а!

Шарик стоял над ямой, не замечая ничего вокруг.

Там, на дне, едва видимый, переливался свет...

Ухо сыщика подскочило!

«Захар там!».

Шарик бесстрашно спрыгнул в яму и обнаружил подземный ход. Далеко-далеко уходили слабо светящиеся под потолком огоньки.

Шарик выбрался на волейбольную площадку и сообщил о своем открытии.

И тогда Крыс, сидевший до сих пор в засаде, понял, что пришла пора действовать.

Он достал пузырек с ядом. Обмакнул иглу. На ее кончике повисла большая черная капля, в которой крохотной точкой отразилась луна. Крыс взял в зубы иглу, осторожно выскользнул из укрытия и пополз на четвереньках, прячась в тени дерева. Фалды фрака, как два черных хвоста, волочились за ним.

Шарик, Иван Иванович и Тимофей заглядывали в подземный ход. Они стояли спиной к злодею.

Крыс приготовился сделать последний бросок и вдруг наткнулся на Воробья, который стряхивал с себя песок, приговаривая:

— Нет, ты понял! Хи-хи! Никогда так не смея... Он увидел Крыса.

Он увидел Крыса и от изумления сел на хвост. Кого угодно могла испугать эта оскаленная морда с каплей яда, дрожащей на кончике иглы!

Крыс медленно вынул из пасти оружие и тихо произнес:

— Молчи, убью. Николай машинально кивнул.

Крыс оскалился, что должно было обозначать улыбку.

И только в этот момент Николай понял, куда крадется эта зловещая фигура.

...Нет таких, которые ничего не боятся. Каждый чего-нибудь да опасается. То ли темноты. То ли воды. То ли какой-нибудь там змейки. И это понятно всем. Смелость не в том, чтобы ничего не бояться. Смелость — это способность преодолеть свой страх.

И Николай преодолел!

Больше того, он сообразил, что нужно сделать!

Он зачерпнул крыльями песок и швырнул в морду Крысу! Потом — фр-р — взмыл свечой в воздух и закричал:

— Берегись!

Крыс понял, что его единственное спасение — это подземный ход. Выставив перед собой смертоносное оружие, он сломя голову кинулся на прорыв. Но Шарик выбежал ему навстречу, ловко подставил ножку и уже через секунду сидел на злодее верхом, приставив к его виску пистолет.

— Больно! — захрипел Крыс. — Сдаюсь же, сдаюсь! Лежачего не бьют!

— Встать! — скомандовал Шарик. — Лапы за голову!

Крыс сложил лапы на затылке, и сыщик вывернул карманы краденого фрака. На землю упал пузырек с надписью «Яд».

Преступник угрюмо смотрел на вещественное доказательство. От Крыса пахло точно так же, как из подземного хода. Связь одного с другим была несомненной.

— Ну что, — промолвил сыщик, — господин... как вас там называют? Будем в молчанку играть

или рассказывать?

Крыс молчал.

— Считаю до трех, — продолжал Шарик, — раз...

Будем рассказывать, — поспешно сказал Крыс.

Две смерти гоночной черепахи

«Нам предстоят великие дела!» — Попытка бегства. — Неожиданная помощь. — Гонка. — Камень преткновения. — «Мы отрезаны».

В пещере под домом продолжалась бешеная подрывная деятельность.

Довольный, что работа идет бесперебойно, Крот дернул цепочку:

— А ну, малыш, ищи дверь в стене. Нашел? Веди, отдохнем полчасика. Нам предстоят великие дела.

Крот отомкнул замок и втокнул Захарку в помещение.

— Смотри, что у меня есть, — хвастливо сказал Крот, подводя Захара к большому черепашьему панцирю. — Я эту черепаху взял в плен и хотел для перевозки тяжестей приспособить. А она раз двадцать от меня убегала! То есть, что я говорю, убегала! Ее пешком догнать было можно, а всё равно уползала. Тогда я понял, что перевоспитать ее нельзя, и вот что из нее сделал.

На панцире, покрытом выпуклым узором, стояло удобное кресло, был приспособлен руль, а внизу приделаны колеса. Крот поднял панцирь, словно капот автомобиля, и Захар увидел, что в грудной клетке бедной упрямыцы стоит мощный пружинный мотор.

— Гляди! — воскликнул Крот. — Он вскочил в кресло, завел мотор ключом, торчавшим возле руля, и механическая черепаха, стуча и громыхая, пронеслась несколько кругов по комнате. — Я усовершенствовал черепашку, — хвалился Крот, — теперь она бегаёт быстрее моих хомов! Я научу тебя водить, ты станешь моим шофером!

Крот затормозил возле Захарки, пошарил по земле и поднял конец поводка. Пораженный страшным зрелищем, котенок не заметил, что несколько минут был свободен и мог убежать.

— А теперь, — распорядился Крот, — я буду отдыхать, а ты сторожи.

Очень скоро он захрапел в черепашьем кресле.

Захар попытался снять ошейник, но он был застегнут на замок, а ключ, как вспомнил пленник, хомяки отдали Кроту, и тот сунул его в карман халата.

Захар, стараясь не дышать, попытался достать ключ.

— М-мм... — Крот повел ухом и спросил: — Сторожишь?

Захарка отскочил и ответил, едва переведя дыхание:

— Сторожу... Крот снова притих.

Захар приблизился на цыпочках и стал освобождать конец поводка, намотанный на кротовую лапу.

— М-мм, сторожишь?

— Сторожу...

Захар решился на отчаянный поступок. Стараясь не дернуть цепочку, он дотянулся до камня, валявшегося неподалеку. Он решил оглушить Крота, выхватить поводок и бежать.

В этот момент скрипнула дверь.

В щелке показались нос и настороженный хомячий глаз.

Увидев, что собирается сделать Захар, хомяк отчаянно замахал лапами: не смей, мол, не надо!

Хомяк проскользнул в помещение. Это был Двести двадцать второй.

За ним шмыгнул Сто пятьдесят первый.

Хомяки бесшумно приблизились, и один из них протянул Захару маленький очень острый ножичек, сделанный из обломка безопасной бритвы.

Чик! Захарка перерезал ошейник.

— М-мм... сторожишь? — спросил Крот.

— Сторожу...

Захар сообщил хомякам едва слышным шепотом:

— Он всё время проверяет. Сто пятьдесят первый шепнул:

— Я останусь здесь. Бегите.

Двести двадцать второй и Захарка помчались в Главную пещеру.

— Что же вы творите! — на ходу внушал Захарка своему спутнику. — Крот над вами издевается как хочет, а вы на него работаете! Если дом рухнет, вам самим здесь несдобровать!

— Если твои друзья наверху помогут, то мы поднимем восстание. Одни мы выступать боимся.

До беглецов донесся предостерегающий крик Сто пятьдесят первого.

Захар обернулся и увидел Крота, который выруливал на черепахе в Главную пещеру.

— Ходу, ходу! — торопил Двести двадцать второй, хотя Захарка бежал уже из последних сил. Задыхаясь, он упал на тележку, отряженную хомяками, рядом сел его новый товарищ, и экипаж рванулся в тоннель. Черепаха мчалась по пятам.

Крот отлично знал свои тоннели, но на поворотах ему приходилось тормозить, чтобы не врезаться в стену. Здесь он проигрывал в скорости, но когда тележка и черепаха выходили на прямую, расстояние между ними неумолимо сокращалось.

Некоторое время гонка шла с переменным успехом. Но вот хомяки начали уставать, их спинки

потемнели от пота.

В извилистом тоннеле, где Крот на время отстал, тележка остановилась, и хомяки вывалили из стены большущий камень.

— Раз, два, взяли! — крикнули хомяки и взгромоздили тяжкий груз на свой экипаж.

Тележка затрещала и осела.

Медленно-медленно набирая скорость, скрипя, экипаж двинулся дальше.

Захар никак не мог понять, зачем так нагрузили себя еле живые хомяки.

— Сейчас будет прямой длинный тоннель с уклоном, — сказал Двести двадцать второй.

— И что?

— Посмотрим, как Крот сломает себе шею! Через несколько минут открылся уходящий вниз тоннель, конца которому не было видно.

— Ну, ребята, навались! — скомандовал Двести двадцать второй.

Катясь под уклон, тележка быстро набирала скорость. Вот-вот наедет на бегущих перед ней хомяков!

И они на полном ходу попрыгали в экипаж.

(В ушах загудел ветер.) Вверху, в начале тоннеля, появилась черепаха.

— Улю-лю-лю! — завопил Крот, резко увеличив скорость. Он решил, что здесь-то обязательно настигнет беглецов.

— Пора! — сказал Двести двадцать второй. Хомяки дружно столкнули камень.

Некоторое время он, подпрыгивая, словно громадный мяч, скакал за тележкой, потом остановился и перегородил дорогу.

Через несколько секунд Крот врезался в баррикаду.

Раздался треск: колеса, кресло, руль, панцирь — всё разлетелось.

Черепаха умерла второй раз.

Но Крот — этот бешеный слепец — остался жив и невредим. Он перелетел через препятствие, несколько раз перевернувшись через голову, и встал на ноги как ни в чем не бывало.

Сгоряча он бросился за беглецами, но через несколько шагов остановился. О, Крот очень хорошо помнил свои тоннели! Он несколько шагов пробежал вдоль стены, выстукивая ее. Найдя нужное место, он снял свой белый халат, бережно свернул и положил на землю. Потом, с необыкновенной быстротой работая железными лапами, в несколько секунд исчез. Крот прорывался наперерез беглецам.

Они остолбенели, когда земля вспучилась, ударила фонтаном, и перед ними возник их преследователь, оставленный, казалось, далеко позади.

Некоторые хомяки упали в обморок.

Некоторые бросились бежать.

Некоторые опустились на колени.

Только Двести двадцать второй храбро заслонил Захарку.

Крот отшвырнул его и протянул лапу, чтобы схватить котенка.

Захар отшатнулся и сунулся в боковой тоннель...

Из него появился Крыс!

Он стоял, заложив лапы за спину.

«Все пропало! — подумал Захар. — Если Крыс вернулся, значит, он убил Слона и того сыщика...».

— Крыс, Крыс вернулся! — перешептывались хомяки.

— Крыс? — обрадовался Крот. — Как ты вовремя! Дай я пожму твою мужественную лапу!

— Не могу, — пролепетал Крыс, — я... я в плену.

— Что-о?

Из-за спины Крыса эффектно выступил незнакомец с пистолетом и произнес:

— Не ругайте бедного несчастного Крыса, который говорит правду: он в плену. А пожать его мужественные честные лапы вы не сможете по той простой причине, что они связаны у него за спиной. В точно таком же положении скоро окажутся и ваши передние конечности. А пока поднимите-ка их повыше над головой. Не хотите? Стреляю.

Крот торопливо вскинул лапы.

Захарка кинулся к сыщику и, захлебываясь, начал рассказывать про Главную пещеру и о том, какая опасность угрожает дому.

Шарик некоторое время слушал, потом озабоченно потрогал Захаркин лоб:

— Ты себя хорошо чувствуешь, малыш?

— Он переутомился, — подал голос Крот, — столько новых впечатлений... И вообще, я не понимаю, почему вы мне угрожаете, старому слепому инвалиду? Котенок... э-э... по недоразумению попал в наши владения... Я его накормил, показал... э-э... наиболее интересные места... А вы сразу «руки вверх»... М-м... невежливо!

— Не верьте, не верьте ему! — загомонили осмелевшие хомяки. — Котенок говорит правду! Тут такое творится! Утром дом может рухнуть.

Крот сделал шаг назад и провалился в дыру, из которой выскочил несколько минут назад. За ним, оттолкнув Шарика, со связанными руками, головой вперед нырнул Крыс.

Шарик устремился вслед, но дыра уже была забита непроходимой земляной пробкой...

— Ведите в Главную, или как там она у вас называется, — сказал Шарик хомякам.

Двести двадцать второй осторожно возразил:

— Может, сначала сходите наверх за подмогой?

— Сами справимся, — коротко ответил сыщик. Но он слишком понадеялся на свои силы и недооценил коварства противника.

Когда Двести двадцать второй, показывавший дорогу, Шарик, Захар и остальные хомяки миновали несколько тоннелей, сзади раздался грохот. Волна затхлого воздуха догнала идущих и мягко толкнула в спину.

— Обвал, — сказал Двести двадцать второй, — это не к добру Вперед, скорее.

Через несколько секунд загрело впереди, и воздушная волна ударила в грудь.

— Всё, — сказал Двести двадцать второй, — мы отрезаны.

Он с упреком посмотрел на Шарика.

— Завал можно разрыть, — сказал Шарик.

— Можно, — ответил Двести двадцать второй.

— А время-то идет... Крот и Крыс похоронили нас в этом тоннеле, а сами продолжают работу. Если они еще догадаются...

Он не договорил и умолк.

— О чем догадаются? — настороженно спросил Шарик.

Двести двадцать второй молчал и к чему-то прислушивался.

В тишине раздалось слабое журчание. Струйка грязной воды выбилась из-под стены и потекла по тоннелю.

— Вот о чем, — сказал Двести двадцать второй. — Они повредили водопроводную трубу. Теперь нам конец.

Вода показалась под другой стеной. Пенные ручейки бежали навстречу друг другу, неумолимо сливаясь в большие ручьи, ручьи впадали в маленькие озера, которые превращались в длинное озеро, заполнявшее тоннель.

Уровень воды повышался каждую секунду.

— Мама! — изо всех сил закричал Захар и заплакал. — Ма-а-ама!!!

Солнце обрушилось в подземелье

«Кто-то зовет на помощь». — Аварийная ситуация. — Милая, но глупая. — Штурм лабиринта. — Всё кончено.

Наступило воскресное утро.

На волейбольной площадке у подземного хода сидели мама Муркина и Тимофей, ожидая возвращения сыщика.

Воробей Николай, проголодавшийся к утру, порхал над цветником и пил сладкий нектар. Вдруг он закричал:

— Бегите скорей, там кто-то на помощь зовет!

Когда все примчались к цветнику, Николай показал на белый граммофончик табака:

— Слушайте!

Голос, слабый, как комариный писк, звал из-за тысячи километров:

— Ма-а-а-а-а-а-ма...

— Захарка! — крикнула Муркина. — Захарка! Тимофей выдернул стебель фальшивого цветка, и из дырочки в земле донеслось уже более явственно:

— Ма-а-а-а-ма!

Теперь все узнали голос Захара.

Муркина бросилась рыть землю.

Иван Иванович схватил огромную лопату, приготовленную для него по специальному заказу для сегодняшнего воскресника, и, копнув один раз, выкинул кубометр земли.

Еще раз!

Еще!

И вот образовалась яма, наполненная черной грязной водой, в которой плавали хомяки и сыщик, поднимающий над собой мокрого до последнего волоска, но все же неистребимо рыжего котенка!

Терпящих бедствие мигом выхватили из противной жижи. Иван Иванович, достав свой платок-простыню, завернул в нее всю чумазую компанию и стал вытирать.

Шарик вырвался из Слоновых объятий:

— Иван Иваныч! Аварийная ситуация! Дом может рухнуть с минуты на минуту! Зовите всех во двор! С лопатами!

— Какой дом? — удивился Слон.

— Ваш!

Иван Иванович покосился на девятиэтажную громаду и сказал:

— Гм-гм...

— Он правду говорит! — завопил Захарка, вырываясь из маминых рук. — Я всё узнал! Я всё

разведаль! Там подкоп делают Крот и...

Он не успел закончить. Почва под ногами задрожала, и дом медленно накренился.

Загремела мебель, сорвавшаяся с мест. Посыпалась посуда. Раздался вопль:

— Землетрясение!!!

Жильцы толпами хлынули из подъездов.

На балкон высыпали испуганные близнецы.

Муркина, Слон, Тимофей и Шарик растянули за углы платок Ивана Ивановича, и котят попрыгали в него один за другим.

Из окна пулей вылетел Попугай-Амазонский и уселся на турник. Под мышкой артист держал лаковые туфли. Он посмотрел на покосившийся дом и крикнул Ивану Ивановичу:

— За-за-зачем это? Я же ска-ска-сказал, что приду! Если вы бу-будете продолжать в том же духе, мне при-придется менять про-профессию!

Потом артист перевернулся на перекладине вниз головой и снова осмотрел дом.

— Все равно кри-криво! — фыркнул он. Жильцы стояли, окаменев.

Дом едва заметно, но грозно покачивался. Его наклон значительно превосходил крен знаменитой Падающей башни в итальянском городе Пиза. Пизанская башня, как известно, уже несколько столетий находится в угрожающем положении, и только виртуозная кладка старых мастеров не дает разразиться несчастью. Но наши строители, знаменитые своей добросовестностью, далеко превзошли древних. Ну-ка, прими их Пизанская башня такой наклон, как наш дом на улице Дружбы! Старушка, ручаемся, немедленно развалилась бы! Но наш пизанский дом стоял. А сколько таких пизанских домов с наклонными полами, с кривыми потолками есть в Городе! И почему-то стоят!

— Как строят! — с доброй слезой в голосе сказал активный общественник, доставая платок. — На тысячелетия строят!

И Слон высморкался.

От сотрясения атмосферы, учиненного лопухим общественником, дом крякнул, застонал, заскрипел. От окна пятого этажа оторвалась форточка и со звуком выстрела плоско разбилась об асфальт. В наступившей после этого мертвой тишине стало слышно, как в чьей-то квартире по полу прокатился граненый стакан: тра-та-та-та-та...

— Иван Иванович, — укоризненно сказал Шарик, — вам нужно сморкаться в специально отведенных местах. — И потом свистящим шепотом обратился к жильцам: — Граждане, соблюдайте тишину! Достаточно малейшего...

Он не договорил, потому что это «малейшее», грозящее катастрофой, тотчас и появилось. Это была Бабочка Лелечка из дома № 3. Она была еще совсем маленькая и глупенькая, хотя летать уже умела, как взрослая. Лелечка, часто моргая крылышками, кружила над балконом на девятом этаже, где в деревянном ящике росли кроваво-роскошные розы. Лелечку тянуло к себе всё красное, потому что сама она была бледно-розовенькая, и думала, что от красного она тоже

может стать красной, яркой и очень красивой.

— Не садись, — надсадным шепотом закричал зоркий сыщик, углядевший опасность. — Слышишь, улетай отсюда!

Но девятого этажа этот тихий вопль, естественно, не достиг.

— Лозочка какая класненькая, — пролепетала милая, но глупая Лелечка, садясь на мягкую, как бархатная подушка, розу.

Девятиэтажка слегка накренилась.

Толпа во дворе молча шарахнулась.

Честь и слава нашим строителям! Дом, сработанный их честными мозолистыми руками — это надо же! — выдержал вес Бабочки и не развалился!

Шарик приказал:

— Роберт Робертович, Николай! Снимите малышку с балкона!

Попугай-Амазонский и Воробей взмыли в воздух и закружились над перепуганной Лелечкой.

— Лелечка, — ворковал Амазонский, — быстренько снимайся, лети, пожалуйста, к маме.

Колька шипел:

— А ну вали отсюда быстро! Ты дом можешь завалить, поняла?

Бабочка, конечно, не понимала, как это она, глупая, но милая Лелечка, может свалить преогромнейший дом, и плотно прижималась крылышками к своему разлюбезному цветочку.

Садиться на балкон, чтобы снять глупую, но милую Лелечку, было, конечно, нельзя. Хлипкое равновесие было бы мгновенно нарушено, и громадное жилище немедленно превратилось бы в кучу битого кирпича.

И тогда Роберт Робертович Попугай-Амазонский проявил незаурядный ум, который вообще, надо сказать, в высшей степени свойствен благородному племени артистов. Так как глупая, но милая Лелечка слова понимать отказывалась и не было никакой возможности ухватить ее за нежнейшее крылышко — оно немедленно хрустнуло бы, — Роберт Робертович сделал вот что. Зависнув в воздухе на несколько мгновений, он своим мощным клювом осторожно-осторожно надломил шипастый стебель розы и вместе с Лелечкой, глупой, но милой, снял цветок с балкона!

И немедленно дом на несколько миллиметров подался к точке более устойчивого равновесия.

Внизу толпа неслышно выдохнула:

— Ура-а-а...

А Тимофей Козел радостно проблеял:

— Туда ее, туда... к ма-аме!

Круто развернувшись над двором, Амазонский стремглав направился к дому № 3. А Лелечка, сидя на розе, всю дорогу пыталась понять, почему это она крылышками не машет, но, тем не менее, летит очень быстро? Пыталась, пыталась, но так и не поняла, потому что была она хоть и очень милая, но глупенькая Бабочка. Ха! Дом чуть не порушила!

Шарик проводил взглядом великолепного Роберта Робертовича, и новая, с оттенком гениальности, мысль посетила его сообразительную голову.

— Где ваше бревно знаменитое, Иван Иванович? Активный общественник крупно вздрогнул.

— Ах, Шарик, ради бога, не вспоминайте о той кон-фузии с артистом! Бревно я вышвырнул на свалку и не хочу...

— Придется его найти.

— Ка-ак, снова кого-то будем задерживать?

— В некотором смысле. Но не кого-то, а что-то...

— Шарик, игра вашего ума... гм-гм... Я не успеваю за ходом вашей мысли... Поясните, пожалуйста, что вы имеете в виду?

— Будем. Задерживать. Дом, — четко произнес сыщик.

— До-ом?!

— Вернее, поддерживать. Надо поставить подпорки.

Слон поднял хобот, как восклицательный знак:

— Вы тысячу раз правы, Шарик!!! Очень простая, но вместе с тем глубочайшая мысль: если что-нибудь когда-нибудь где-нибудь падает, его надо чем-нибудь как-нибудь... Ах, Шарик, никому ведь из нас не пришло в голову, что...

— Все несколько растерялись, — с мягкой снисходительностью заметил сыщик, — слегка запаниковали, отчасти потеряли самообладание.

— Но ведь и вы тоже могли бы... гм... потерять...

— Что вы, Иван Иванович! Я, может, был бы и рад слегка потерять самообладание, расслабиться и быть как все. Но нервы не позволяют. Я подозреваю, что они у меня железные. А может быть, и того хуже, стальные... — и Шарик горестно вздохнул. — Но не будем терять времени, давайте организуем народ.

И жильцы потащили со свалки бревна, трубы, рельсы, балки, доски — всё, что могло послужить подпоркой. Иван Иванович все эти вещи приспособлял таким образом, чтобы они одним концом упирались в землю, другим — в стену. И когда сооружение было готово, дом, казалось, вздохнул и расслабился, как усталый человек, откинувшийся на спинку кресла.

...В это время под землей Крот с бешеной энергией подрывал фундамент дома. Крот работал в одиночестве, потому что Крыса он послал в разведку, а хомы, пользуясь отсутствием надсмотрщика, потихоньку разбежались. Они чувствовали, что власть Крота и его пособника покачнулась, и начинали робко бунтовать. Хомы митинговали в отдаленных пещерах и наспех писали лозунги:

ДОРОГИЕ ЗООТЕЧЕСТВЕННИКИ! ДОЛОЙ! КАРОТА И КЫРЫСА! ДОЛОЙ! ИКС! ПЛУТАТОРОВ!

И даже такой лозунг, не совсем понятный:

ДОЛОЙ СВОБОДУ НАМ!

который, вероятно, должен был выглядеть так:

ДОЛОЙ! СВОБОДУ НАМ!

Лозунги, надо признать, были не слишком грамотные, но когда, спрашивается, у бедных хомов было время для учебы?

Нашелся, правда, один хом, который до заключения в подземелье жил в библиотеке и прилежно грыз науки. Он придумал такое:

СВОБОДУ ХОМУ САПИЕНСУ!

Как известно, на латыни, на языке древних римлян, слово «сапиенс» означает «разумный». Но выражение это почему-то сочли за неприличное, и хомы своего чересчур грамотного товарища едва не побили. Вообще говоря, когда идет революция, чересчур грамотным часто дают в их умный лоб.

С большим воодушевлением носили лозунги по пустым тоннелям бунтовщики, и, хотя кроме них самих их никто не видел, хождение очень бодрило, и некоторые поговаривали, что надо искать оружие...

Тем временем Шарик, Двести двадцать второй и Слон повели жильцов дома № 1 на штурм кротового лабиринта. Метр за метром вскрывали лопаты хитросплетения подземных ходов, ловушек и подслушивающих устройств.

Крот и Крыс отступали к Главной пещере.

Это было их последнее убежище. Они спрятались между камнями, потому что хомьяки с кирками и молотками уже искали своих угнетателей.

— Что будем делать, Крыс? — со страхом спросил Крот.

— Сам заварил кашу, сам и расхлебывай, — грубс ответил Крыс. — Чтоб ты провалился!

И Крыс пополз в сторону, бросив слепого хозяина. Бывший надсмотрщик решил спастись в одиночку.

Но далеко уйти ему не удалось. Потолок пещеры рухнул, пробитый могучей лопатой Ивана Ивановича, и ослепительный солнечный свет залил жалкие фигуры преступников. Они испуганно посмотрели вверх. На фоне сияющего неба виднелись силуэты множества голов: рогатых, пернатых, ушастых и всяких других. А на дне пещеры Крота и Крыса плотным

кольцом окружили хомяки, держа наготове тяжелые инструменты.

— Ваша подрывная деятельность закончена, — гулко, словно в колодце, прозвучал голос Шарика, и сверху опустился канат. — Поднимайтесь к новой жизни!

— Может, простят? — с надеждой сказал Крыс и, поплевав на лапы, полез.

— Простят, может быть? — эхом ответил Крот и тоже поплевал на лапы.

Когда они поднялись, их ожидал Аист, милиционер.

«Спасибо! Я оправдаю»

Пещеры больше нет. — Светящееся дерево. — Коллективное письмо. — Хоровод.

Жильцы дома № 1 работали весь день, привели в порядок перекопанный двор.

Бывшую Главную пещеру засыпали мусором со свалки, а на освободившейся площадке посадили молодые деревца, привезенные Иваном Ивановичем.

На дом накинули канат, и бульдозерист Муравей, включив машину на полную мощность, поставил дом вертикально. При этом снова посыпалась посуда и загремела мебель, но на этот раз никто не испугался. Наоборот, все радостно засмеялись.

Когда работа была закончена, Тимофей расщедрился: принес самый большой и самый дешевый кусок мыла из своей коллекции, чтобы все вымыли руки.

Вечером светлячки, освобожденные из подземелья, облепили дерево, и оно, словно громадный торшер, осветило весь двор.

При свете дерева начали давать имена хомячкам. Не хомячков было так много, что одному, самому маленькому, не хватило имени.

Хомячок очень расстроился.

Кто-то догадался:

— Давайте ему имя Захара присвоим! Так и назвали: Хомячок имени Захара.

Захарка очень загордился этим и непрерывно рассказывал всем о своих приключениях.

— Слышь, — сказал ему Николай, — ты не очень-то нос задирай, понял? Если б не я, ты б знаешь где был? Рыжий!

— Ну и что, что рыжий? — ответил Захарка. — Затс я под землей тонул. Тонул кто-нибудь до меня под землей? Э!

— Ничего, — нашелся Николай, — я тоже скоро, может быть, под водой полетаю...

— Ты скоро, а я уже!

На это Воробей не смог ничего возразить и замолчал.

Жильцы дома № 1 написали коллективное письмо с просьбой принять Шарика учеником в

Школу служебно-розыскных собак.

— Спасибо! Я оправдаю! — с большим чувством сказал Шарик. То есть он хотел сказать: «Ну, теперь я ему покажу, этому лентяю Руслану Овчаренко!».

Попугай-Амазонский, который успел выстирать и высушить свой фрак, прочитал собравшимся «Сказку о глупом мышонке» без единого заикания. За это его отблагодарили бурными аплодисментами.

А потом до утра водили хоровод вокруг дерева при свете, извлеченном из-под земли...

Сыщик и поджигатели

Обида

Золотые слова. — Огорошенный Овчаренко. — Красивый товарищ начальник. — «Это не хвост!» — «В цирк таких берут».

На следующий день жильцы дома № 1 торжественно пронесли Шарика на руках вокруг двора, бережно опустили на асфальт, вручили рекомендательное письмо и сказали:

— Иди!

Шарик направился в Школу служебно-розыскных собак.

Возле будки часового сидел громадный ученик Руслан Овчаренко и продолжительно, со стоном зевал. Шарик двинулся было через проходную, но Овчаренко цапнул его за шиворот.

— Ты шо, — изумился часовой, — не бачишь, шо тут прописано золотыми словами?

И кивнул на объявление, которое гласило, что «посторонним вход строго воспрещен».

— Документ е?

— Е! — пискнул Шарик и подал часовому свое самодельное «Удаставирение».

— От жук! — сказал Овчаренко, бросая книжечку на землю. — Это ты своей бабушке покажь.

— А ну пропусти! — разозлился вдруг Шарик, который, как всякая дворняга, не терпел замечаний о своих предках. — Мне к начальнику надо!

— Тикай, пока цел! — взъерошился Овчаренко. Бо я тебе...

Он не договорил: Шарик выхватил пистолет и вlepил горошину прямо в толстый кожаный нос Руслана, пуля попала в ноздрю и там исчезла.

— Га... — разинул пасть Руслан, — га... гапчхи! В это время послышался малиновый звон. Красиво ступая, сверкая надраенными медалями, блестя лоснящейся шерстью, приближался начальник Школы Рекс Буранович Доберман-Пинчер. Он не ездил на работу в служебной машине, а ходил пешком чтобы все могли любоваться его породистой красотой.

— Гапчхи!!! — бабахнул часовой прямо под нос ослепительному начальнику.

Доберман скрылся в столбе пыли. На другой стороне улицы в автомате «Газвода» лопнул

граненый стакан.

Когда пыль рассеялась, шерсть начальника поблекла и награды больше не стреляли во все стороны колючими зайчиками. Великолепный начальник стал тусклым нищим, протавившимся без отдыха сто километров.

Единственное, что осталось от бывшего великолепия, — это голос.

— Овчар-ренко, — рявкнул шикарным басом До берман-Пинчер, — что здесь пр-р-роисходит?

— Я... — начал Руслан, у которого невыносимо свербило в носу, — га... он... га... га... вас... гапчхи! Он в меня вы... гапчхи!

— Рекс Буранович, это чихальная горячка! — воскликнул Шарик. — Я знаю, моя бабушка от этого умерла. Необходимо срочное лечение! — И мстительно добавил: — Каких-нибудь сорок уколов...

Услышав про уколы, Руслан так взвыл, что Доберман-Пинчер попятился и крикнул:

— Овчаренко! Немедленно в медпункт!

— Не на... гапчхи! Я не хо... гапчхи! Я не бо... гапчхи!

— Исполняйте приказание!!! — заревел начальник, трясая медалями.

И огорошенный Овчаренко поплелся через проходную. Начальник тронулся следом, но Шарик остановил его:

— Я, Рекс Бураныч, к вам... Доберман-Пинчер несколько кокетливо спросил:

— А ты, собственно, откуда меня знаешь?

— А вас, Рекс Бураныч, каждая собака знает, — с обезоруживающей улыбкой ответил Шарик. — Вон у вас заслуг-то сколько...

Начальник выпятил грудь, усеянную бесчисленными жетонами, медалями, значками, и строго сказал:

— Ну ладно, хватит! Не люблю я этого! — Потом добавил значительно потеплевшим голосом: — Ты по делу или так... полюбоваться?

— Як вам в Школу поступать пришел!

Рекс Буранович Доберман-Пинчер застыл как памятник и с высоты своего роста уставился на Шарика. Наконец начальник осторожно спросил:

— Кто поступать пришел к нам?

— Я.

— Ты?!

— Я.

— Обернись, — сказал начальник. — Что ты видишь?

— Дом.

— Ближе.

— Улица.

— Еще ближе!

— А! Это мой хвост.

— Хе-хе. Это не хвост.

— Как же не хвост? — Шарик для убедительности вильнул тем, на что смотрел. — Это хвост! Ну... хвостик.

— Это кусок колючей проволоки, изжеванный голодным крокодилом! — воскликнул Доберман-Пинчер. — Это бублик, испеченный сумасшедшим пекарем, это... Это всё что угодно, только не хвост, каким должен обладать ученик нашей Школы! Одно ухо у тебя болеет столбняком, другое будет до конца твоих дней валяться в обмороке! Про твой окрас я не говорю, потому что мне от него делается дурно. Вопросы есть? Всё. Держите хвост пистолетом.

— Рекс Бураныч! — в отчаянии закричал Шарик. — Товарищ Доберман-Пинчер! У меня же есть письмо!

— Что-о?! — Шерсть на спине начальника встала дыбом. — Еще от земли не видать, а тоже норовит по знакомству... Молодежь, называется!

— Я не по знакомству — чуть не плакал Шарик, — это коллективное письмо... обо мне...

— Коллективное? — насторожился начальник.

— От коллектива жильцов! — и Шарик подал ему бумагу с кратким описанием событий во дворе дома № 1 по улице Дружбы о том, как Крот и его приспешник Крыс украли котенка Захара, о самоотверженной борьбе с похитителями, которую вел Шарик в подземелье, и, наконец, о том, что благодаря ему, Шарик, еще стоит на земле дом № 1.

— Гм, — произнес Рекс Буранович, — гм. Неплохое письмо. Письмо, прямо сказать, хорошее. Ты, видно, парень не промах. Только, брат, извини, ничего для тебя не могу сделать. Мне правила не разрешают беспородных принимать. Слушай, — оживился он, — хочешь, я тебя в цирк устрою? Там таких берут...

— Нет, — отрезал Шарик.

— На нет и суда нет. Вопросы есть? Всё. Держите хвост пистолетом. — Рекс Буранович двинулся к проходной. У двери он обернулся, еще раз посмотрел на Шарика, зажмурился и сказал: — Ой, ну и бывает же...

Прыжок в пропасть

Возвышенная тоска. — Голубые слезы. — «Куда уж нам, неученым!» — Появление Черного чулка. — Есть идея!

И Шарик затосковал. Тоска его была возвышенной, потому что тосковал он на крыше дома № 1. Сыщик решил удалиться от дел земных и остаток жизни провести здесь, наедине с небом.

Сначала тосковать было интересно.

Шарик соорудил себе жилье: притащил со двора огромный зонт, непонятно почему выброшенный Иваном Ивановичем Слоном, — зонт был еще хоть куда, только не закрывался. Ручку его Шарик воткнул в отверстие вентиляционной шахты, и получился навес, который, несомненно, выдержал бы не только градобитие, но и падение средних размеров метеорита.

Потом Шарик исследовал крышу, огромную, как футбольное поле, приладил к телевизионной антенне качели из куска проволоки и качался, гордый и одинокий, пока не замутило. Потом сам с собой играл в крестики-нолики и сыграл шестьсот тридцать два раза! Это, конечно, был мировой рекорд, но кто его мог оценить? Потом читал газету, потом долго смотрел вниз, где бежали маленькие автомобильчики, прыгали, ползали, летали и били хвостами суетливые горожане...

Конечно же, конечно, там вот-вот произойдут страшные и запутанные события, в которых Доберман и Овчаренко ничего не поймут. Вот тогда-то и хватятся сыщика! Весь город сбежится на улицу Дружбы, и толпа закричит: «Шарик, Шарик, выручай!». Грозный начальник, рыдая, будет умолять пойти и поруководить Школой и научить сыскному делу. А Шарик грустно улыбнется и скажет тихо:

«Куда уж нам, неученым. Не с нашим окрасом, род только смешить...». И повернется, и уйдет под зонтик. А все заплачут, заплачут и пойдут, всхлипывая... Сыщик пожалел их всех, так жалко их стало, что даже слезы потекли...

Наступил вечер, по крыше дома, что напротив, зажглись и побежали огромные синие буквы: АПТЕКА АПТЕКА АПТЕКА. Шарик заснул с голубыми слезами на глазах.

Проснулся он ночью, долго смотрел на тусклые городские звезды и понял, что тосковать стало скучно.

Шарик послонялся по крыше, свернул из газеты птичку. Птичка получилась бездарная: прошла штопором все двенадцать этажей и ткнулась носом прямо в урну.

И вдруг...

И вдруг Шарик увидел, что на противоположной стороне улицы короткими перебежками, прячась в подъездах и замирая в тени деревьев, двигалась фигура явно злоумышленного вида. На голове у нее, как мгновенно и безошибочно определил Шарик, был натянут черный чулок. В руке — чемоданчик. Фигура подобралась к двери аптеки, опустилась на корточки и распахнула чемоданчик. Из него появился кусок материи, который был немедленно расстелен на асфальте. Затем Черный чулок торопливо выхватил из чемоданчика стеклянную банку наполненную каким-то золотистым веществом, и начал поливать им тряпку. Жидкость падала тягучими лентами, истончаясь в янтарную паутину. Когда банка опустела, незнакомец приподнял нижний край маски и длинным языком вылизал сосуд. До Шарика донеслось чмоканье и урчание. «Мед! — пронзила сыщика догадка. — В банке был мед!».

Тем временем Черный чулок сноровисто поднял за углы кусок облитого материала и, роняя сладкие капли, прилепил его к застекленной двери аптеки.

Аккуратно разгладил. Удар!

Стекло лопнуло, но не посыпалось с оглушительным звоном на землю, а, приклеенное к тряпке, было бесшумно вынато взломщиком и отброшено на газон.

Грабитель оглянулся и скользнул в помещение.

Медлить было нельзя.

Шарик схватил свой безотказный пистолет, и здесь ему пришло в голову, что, пока он спустится, обогнет громадный дом и достигнет аптеки, преступник скроется. Нужно свалиться ему как снег на голову... Стоп!

Лежачее ухо Шарика подскочило — это значило, что есть идея!

Шарик выдернул из вентиляционного отверстия ручку зонта.

Это же парашют!!!

Разве мог бы придумать такое Руслан Овчаренко? А если бы и придумал, то решился бы он прыгнуть в девятиэтажную пропасть?! И, наконец, выдержал бы зонтик того же громадного Добермана-Пинчера?!

Нет, дорогие красавцы, здесь-то и кроются преимущества Шарика: в молниеносной сообразительности, небольшом росте и отчаянной храбрости.

Шарик встал на край крыши, и ноги его задрожали. Шарик показалось, что дом качается под ним, как старая расшатанная табуретка.

Перед Шариком проплыла ухмыляющаяся физиономия Руслана Овчаренко, усеянная медалями могучая грудь Добермана-Пинчера и огромная надпись «Посторонним вход строго воспрещен!!!»

— Ура, — шепнул Шарик и, судорожно сжимая ручку зонта, шагнул в пустоту.

Поджигатели

Нелегко будить слона. — Чуткая Марья Васильевна. — Болезнь Захарки. — Крылатая сообщница. — Спирт и хлороформ. — Схватка с Чулком заканчивается глубоким сном.

Шарик спускался, вцепившись в ручку зонтика. Стена дома с темными окнами убегала вверх. Вдруг раздался треск, и отважный прыгун повис в воздухе между третьим и вторым этажами.

Зонтик зацепился за растяжку — стальной канат для поддержки троллейбусных проводов.

Шарик посмотрел вниз. До земли было, конечно, ближе, чем несколько секунд назад, но вполне достаточно для того, чтобы разбиться. Подтягиваясь по ручке зонтика, Шарик добрался до каната, затем, держась за него, перевернул свой «парашют» и ручку его, загнутую на конце наподобие буквы «Г», зацепил за растяжку. Зонтик перевернулся, и Шарик сполз в него, как в чашечку огромного черного цветка.

Уф-ф-ф-ф!

Видно было, как Черный чулок шастает за витриной аптеки и что-то прячет в чемоданчик.

Шарик прицелился и несильно послал горошину из бесшумного своего пистолета в окно Ивана

Ивановича Слона. Негромко звякнув, она отскочила от стекла.

Форточка в окне Ивана Ивановича сама собой ритмично открывалась и закрывалась. Закрывалась она тогда, когда мощные легкие Слона втягивали воздух. Открывалась на выдохе.

Еще раз выстрелил сыщик...

Бесполезно, Слона и пушкой не разбудишь.

Тогда Шарик нашел окно Марьи Васильевны Муркиной.

Вот у кого был слух! Она появилась после первого выстрела, блеснув в полумраке раскосыми глазами.

— Ша-арик, — воскликнула Муркина, — как вы сюда попали? В этот зо-онтик? А мы думали, вы в Школе...

— Марья Васильевна, — попросил Шарик, — киньте мне веревку, только поскорее.

— Сейчас с балкона принесу. Муркина исчезла.

Негодяй в аптеке торопливо запихивал что-то в марлевый узел.

Наконец Муркина появилась с веревкой, унизанной прищепками, и принялась их снимать одну за другой.

— Марья Васильевна, — свистящим шепотом взмолился Шарик, — я вам их потом верну! Бросайте так!

— Шарик, Господь с вами, мне для вас ничего не жалко! Я думала, чтобы удобнее...

Она перебросила веревку сыщику, который мгновенно привязал ее к стальному канату и, ломая прищепки, скользнул вниз.

— Может, вам еще чем-нибудь помочь? — вполголоса спросила Муркина.

— Нет, Марья Васильевна, спасибо. Привет Захарке и всем котяткам.

— Захарка болеет, — жалобно сказала мама Муркина, — простыл там, в подземелье. Бредит он... А котятка недавно в больницу играли, все лекарства по двору рассыпали. Жду не дождусь, когда аптека откроется...

— Ну, лекарство-то я вам скоро принесу, — пообещал Шарик.

В это время послышался плач Захарки, и мама Муркина исчезла.

Возле уха сыщика послышался злобный смешок:

— Принесет он, принесет! Жжжди! Держи карман шире!

Шарик обернулся, схватившись за пистолет. Никого.

— Не увидижжж! Не поймаежжж!

— Кто здесь? — строго сказал Шарик. — Руки вверх!

— А вот я тебя за ноззз!

Кто-то пребольно укусил Шарика в нос.

— Бужежж-ж-ж-ж ззнать!

Сыщик скосил глаза и увидел здоровенную Муху. На крыльях у нее были какие-то синие надписи, но какие именно, Шарик не разобрал, потому что в этот момент злодейка снова тяпнула сыщика, да так, что у него в глазах потемнело.

— Заагрыззу в другой раззз! — пообещала она и стремглав полетела к аптеке. Черная точка шмыгнула в дверь, взломанную Чулком.

И через секунду там погас свет.

Шарик остановился перед черным провалом двери. Надо сказать, что в этот момент ему стало не по себе. Глаза преступников привыкли к темноте, а если Шарик ворвется в помещение с освещенной улицы, тут его прямо голыми руками бери.

Вспыхнула спичка, обозначился силуэт Черного чулка. Спичка отделилась от силуэта и самостоятельно поплыла в воздухе к стеллажам, уставленным пузырьками и банками. Шарик понял, что злобная Муха, не боясь спалить крылья, помогала своему напарнику.

Тем временем огонек приблизился к банке с этикеткой «СПИРТ». Черный чулок немедленно схватил ее. Затем спичка осветила зеленый сосуд, на котором было обозначено «ХЛОРОФОРМ».

В этот момент Муху, вероятно, основательно припекло, и спичка, догорая, как маленький метеорит, бесшумно скользнула вниз.

— Хло-ро-форм, — повторил про себя Шарик, — хло-ро-форм... — Что-то очень простое и знакомое чудилось в этом сложном слове...

Когда крохотная осветительная ракета снова повисла в воздухе, Черный чулок торопливо открыл банку со спиртом.

Р-раз! — плеснул на медицинские плакаты, которыми была увешана стена.

Два! — на бесчисленные ящики с лекарствами!

Три! Четыре!! — на прилавок, на пол.

А эта преподлая Муха с новой спичкой наперевес кинулась к плакатам и подождала их. Первым занялся самый большой:

МУХА — ПЕРЕНОСЧИК ИНФЕКЦИЙ! УНИЧТОЖАЙТЕ МУХ!

Бледное спиртовое пламя с необыкновенной быстротой поползло по бумаге, превращая ее в черные лохмотья с искрящимися краями. Через секунду огонь запылал в аптеке, как в печи. Дымящаяся фигура вылетела из двери и сбила Шарика с ног. Упали узел и чемоданчик, которые нес неизвестный. Сыщик и поджигатель покатались по газону, но Черный чулок изловчился, вскочил и бросился наутек. В великолепном броске Шарик схватил преступника за

хвост.

— Пусти-и-и, больно же! — взвыл Черный чулок.

— Как бы не так, грабитель ты поджигательский! — отвечал Шарик.

Что-то упало на нос Шарику. Муха!

Блестая крыльями в пламени пожара, она стояла на задних лапах и острой щепкой, словно копьем, целилась сыщику прямо в зеницу ока! Синие буквы плясали на ее растопыренных крыльях.

— Зейчаззз в глаззз дам! — взвыла она и метнула копье.

Ох, что было бы, если бы не знаменитая реакция Шарика! Он успел зажмуриться, и щепка отскочила, поцарапав веко.

— Зззараззза! — выругалась Муха. Несмотря на неожиданное нападение, Шарик не выпустил хвост поджигателя, который, вереща от боли, тащил сыщика за собой.

Муха вилась вокруг головы Черного чулка и орала:

— Зззабыл, балбеззз! Банка! Банку открой, труззз! Черный чулок выхватил из кармана и на ходу открыл зеленую банку с надписью «Хлороформ». Потом он неожиданно остановился и окатил не успевшего встать на ноги Шарика какой-то бесцветной, противно пахнущей жидкостью.

Шарик вдохнул раз... другой...

Всё закружилось у него перед глазами: пустынная улица... темная улепетывающая фигура... языки пламени в дверях аптеки... трава... прохладная трава...

«Хло... ро... форм... — медленно плыли мысли в его голове, — им же у... сып... ляют...».

Тревога

О пользе длинной шеи. — Чаёк откладывается. — Загадочная система.

Старый пожарный Василий Жираф, покрытый пятнами старых ожогов, дежурил в эту ночь на городской каланче. Он увидел мерцающий огонек пожара в юго-западном районе, и туда немедленно помчались стремительные пожарные машины.

Жирафу с высоты каланчи плюс высоты своего роста было хорошо видно, как летели яркие фары по лабиринту ночного города.

«Ничего, успеют», — подумал он, повернулся и остолбенел.

На северо-востоке начинался пожар!

Еще две машины с воем рванулись в темноту.

«Два пожара за ночь — многовато», — решил Василий. Подумал и пришел к выводу, что в ближайшие часы уже вряд ли что-нибудь приключится, и направился вниз, чтобы хлебнуть чайку.

Хорошо, что шея была такая длинная. Ноги его уже опустились по двум лестничным пролетам, а голова, думающая про чаёк, еще торчала над каланчой. Вдруг глаза Василия вытаращились, а копыта там, далеко внизу, разъехались.

Еще пожар!!!

Жираф прочно обосновался на рабочем месте, ожидая новых происшествий.

Огонь продолжал выстреливать в небо языки пламени в разных концах города, и чрезвычайно удивительным в этих огненных безобразиях было то, что они подчинялись загадочному порядку: горели только аптеки и аптечные склады.

Старый жираф долго думал и наконец пробормотал:

— Что-то тут, гори оно огнем, не так...

Допрос и чрезвычайное сообщение

Ожоги. — Крупный разговор о маленьком предмете. — «Предъяви обвинение!» — Шарик промолчал. — Задача со многими неизвестными. — «Ни с места!»

...Туча огненных мух гонится за Шариком по улицам горящего города. Пылают здания, из окон и подъездов бьет пламя. Шарик мчится, задыхаясь, по улице, не имеющей конца. А огненные мухи не отстают, кусают в спину, за бока, за ноги, и вот одна, громадная, как вертолет, пикирует на Шарика...

Шарик застонал и очнулся. В голове гудело.

Плохо соображая, Шарик огляделся.

Он лежал на красной ковровой дорожке посреди большой комнаты.

Стол. Телефон. В углу телевизор. На стене большая карта города с красными флажками.

Нет, Шарик здесь никогда не был.

Он попытался сесть и ойкнул. На ноге горела рана с опаленной по краям шерстью. Две на животе. На боку. А на спине! А на другом боку!

«Будто на меня ведро углей высыпали», — подумал Шарик. И вспомнил всё: Черный чулок... Муха... пожар... схватка...

«Они ушли!». Сыщик скрипнул зубами и заковылял к двери.

Дверь была заперта.

Неужели преступники взяли его в плен?

Окно!

Шарик подскочил к окну и увидел, что оно расположено на втором этаже, и ветка, мощная ветвь каштана, мокрая от дождя, лепит листья прямо в стекло.

Шарик рванул шпингалет, дернул раму, вскочил на подоконник...

Неведомая сила подняла его за шиворот, пронесла по воздуху и бросила на то самое место, где он только что лежал, на ковровую дорожку с клочком обгоревшей Шариковой шерсти.

— От жук! — прогудел гнусавый бас. — От шустрый!

Над сыщиком возвышался Руслан Овчаренко.

Значит, Шарик не у бандитов! У него немного отлегло от сердца. Немного, потому что Овчаренко — тоже не подарочек... По тону Руслана чувствовалось, что про горошину, забитую в его толстый нос, он не забыл... Тем более, что одна ноздря у него — та самая — была заткнута аккуратной марлевой пробочкой.

«Главное, не напоминать ему о горошине, главное, не напоминать!».

Овчаренко нехорошо смотрел на Шарика. Пауза затягивалась.

— Листик залетел в окошко, — хихикнул Шарик, — смотри-ка ты: листик.

— Ага, листик. Я с тебя листик сделаю. «Главное, говорить о другом», — еще раз пронеслось в голове у Шарика, но он почему-то брякнул:

— Горошину доста-л?

— Достали. Вот такими щипцами. Трое в белых халатах.

— Больно было?

— Это же нос! — по-щенячьи визгливо крикнул огромный Овчаренко.

Тихонько двинувшись к окну, Шарик решил:

«Или шерсть моя сейчас полетит клочьями, или я сверну себе шею».

— Сидеть!!! — рявкнул Руслан так свирепо, что знаменитое сыщичье самообладание на минуту изменило Шарика, и он зажмурился.

Но трёпки почему-то не последовало.

Когда Шарик осмелился приоткрыть один глаз, Руслан Овчаренко с карандашом важно сидел за столом над листом бумаги. Шарик вытянул шею и прочитал: **ПРЫТОКОЛ ШАРИКОВОГО ДОПРОСА.**

От изумления второй глаз сыщика открылся, и оба полезли на лоб. Шарик вскочил.

— Сидеть, подследственный! Хвамилия?

— Шарик.

— Имя?

— Шарик.

— Отчество?

— Шарик.

— Значит, вас зовут Шарик Шарик Шарик?

— Так всегда и зовут: Шарик Шарик Шарик!

— От жук! — Овчаренко качнул головой и записал: ШАРИКА ЗОВУТ ШАРИК ШАРИК ШАРИК. «Дело движется», — подумал Овчаренко, важно надел очки, лежавшие на столе, и внушительно прошелся по комнате. При этом он с грохотом опрокинул стул.

Шарик по имени Шарик Шарик хихикнул. Глядя поверх очков, Руслан набычился и резко спросил:

— Ну шо, будем сознаваться или...

— Ты мне должен сначала обвинение предъявить. Во всех книжках так написано. Ты должен сказать: «Признаете ли вы, что совершили...» и те де и те пе. Понял?

Руслан некоторое время подозрительно смотрел на сыщика, затем осведомился:

— В каких это книжках написано?

— В умных, Русланчик, в умных. В таких, где настоящий следователь допрашивает подследственного.

— Ну ладно. Если обманываешь, пеняй на себя. Признаете ли вы, шо... шо...

— Совершили... — подсказал Шарик.

Совершили и тэ дэ и тэ пэ?

— Хи-хи. Не признаю. Никаких тэ дэ и тэ пэ я не совершил.

Овчаренко трахнул громадной лапой по «прытоко-лу» и крикнул:

— Не для того я шкурой рисковал, тебя из огня вытаскивал, шоб ты меня за нос водил! Бачишь?

— Ты меня вытащил? Как ты там оказался?

— Нашу Школу на пожары бросили. Я как увидел, что твоя подозрительная личность под самым огнем валяется и уже тлеть начинает, сразу понял: вот кто аптеки запаливает! Я тебя сразу вычислил. Только не повезло тебе — хлороформом надышался...

— Я преступника ловил, я...

— Не надо ля-ля! Лучше сознавайся!

На пороге появился Рекс Буранович Доберман-Пинчер. По его опаленной шерсти было видно, как славно потрудились начальник на пожаре. Красота Рекса Бурановича приобрела грозный дымный оттенок. Доберман-Пинчер положил на стол чемоданчик и узел, брошенные Черным чулком, затем пристально посмотрел на Руслана.

— Овчаренко, ты опять из себя следователя строишь? А ну, дай мои очки! Сколько раз я тебе говорил: не лезь не в свои дела. В чем он тебе сознаваться должен?

Овчаренко струхнул:

— Мы, Рекс Буранович, так... балакали... Играли... Я вроде следователь, а он вроде...

Руслан покосился на Шарика, ожидая, что тот его выдаст.

Шарик промолчал.

Начальник надел очки, сел за стол и прочитал Русланов «прытокол». Потом скомкал бумагу, швырнул на пол и тихо произнес:

— Нашел время для игрушек. Почему не оказана первая помощь пострадавшему? За врачом! Р-рысью! Марш!

Овчаренко пулей выскочил из кабинета.

— Так, Шарик Шарик Шарик, знакомы тебе эти предметы? — Доберман-Пинчер указал на узел и чемоданчик.

Шарик рассказал, как обнаружил преступников и что произошло потом.

— Итак, — подвел итог Рекс Буранович, — получается задача со многими неизвестными. Не установлена личность поджигателей. Неизвестно, какую цель преследуют преступники, истребляя аптеки и аптечные склады. Взломан почему-то магазин «Оптика». Известно лишь, — начальник открыл чемоданчик и высыпал на стол горку облаток и пузырьков, — что бандиты уничтожают то, что не могут унести с собой. Но с какой целью они это делают? На таблетках не разбогатеешь. Непонятен и такой факт: большая часть похищенного — это сильнодействующие снотворные средства.

За дверью послышался торопливый топот, и в комнату ворвался Руслан Овчаренко.

Доберман-Пинчер грозно обернулся к нему:

— Я тебя куда посылал? Где вр-р-рач?

— В теле...

— Где?

— В теле... же... В телевизор же чрезвычайное сообщение показывают!

Овчаренко кинулся к телевизору, включил. Пока аппарат нагревался, Овчаренко, едва переводя дыхание, частил:

— Ну мы их быстренько скрутим... Тиканули, бандюги... Вот работенка нам подвалила, да, Рекс Бура-цыч? Только бы след взять...

На экране появилась очаровательная диктор Лань Лесная. Она, нервно теребя янтарные бусы, что-то читала по бумажке.

— Вот видите, видите, — бубнил Овчаренко, — она говорит, шо...

— По-мол-чи, Овчаренко, — поморщился начальник.

Диктор сказала:

— Повторяю. Из места заключения, совершив подкуп, сбежали особо опасные преступники: Крот, Крыс и воровка Нюрка Муха. Особые приметы беглецов: Крот — сильно близорук, телосложения коренастого, обладает большой физической силой. Крыс — нет верхнего левого клыка. Нюрка Муха — на левом крыле татуировка: «Они устали», на правом: «Но их не догонишь».

Рекс Бураныч, — взвился Шарик, — Муха с татуировкой, она мне глаз чуть не выколола! Значит, Черный чулок — это Крыс или Крот.

— Где-то я их имена встречал, — задумчиво произнес Доберман-Пинчер, — и совсем недавно.

— В письме же! Помните, я вам письмо давал от жильцов? Крот и Крыс хотели дом обрушить, а я их поймал.

На экране появились фотографии бандитов.

— Просьба ко всем гражданам, — говорила диктор, — знающим о местонахождении преступников, сообщить...

Вдруг она осеклась, повернула голову и посмотрела в сторону Ее большие глаза сделались огромными. Она хотела вскочить, но чей-то чрезвычайно знакомый Шарику голос приказал:

— Ни с места!

А другой не менее знакомый голос шумливо добавил:

— А то копыта откинешь...

Пришли из туч с лопатой

Мастер Очкастый и мастер Щербатый. — Репетиция. — Встреча с комендантом. — Мастер копает паркет. — Носорожий сон. — Янтарные бусы. — Он вошел без разрешения.

Погода в этот день была пасмурная.

Тучи шли низко-низко, и башня телевизионного центра этими тучами была как бы обрезана наполовину.

Вверху, в тумане, возникли две смутные фигуры и по лестницам, расположенным внутри ажурной конструкции, стали спускаться вниз. Если бы этот наш любопытный наблюдал за телебашней с самого утра, со вчерашнего дня или даже, предположим, со дня ее постройки, он всё равно не увидел бы, как эти фигуры на нее поднимались.

— Гм-гм, — сказал бы любопытный, если бы он был...

Так вот, эти никогда не поднимавшиеся фигуры по мере спуска становились всё видней. И теперь оказалось, что ничего загадочного в них нет. Это были обыкновенные рабочие. Да, да! Самые обыкновенные! Они были в пластмассовых защитных касках. Они были в новеньких синих комбинезонах.

И один из них нес лопату.

Мог бы возникнуть вопрос: что они там копали, эти трудяги? Дождик они там разгоняли этой своей лопатой?

Но этот вопрос ни у кого не возник, потому что за спуском, как уже сказано, никто не наблюдал.

Тот, который тащил лопату, панически боялся высоты. Еще страшнее ему становилось оттого, что вышка покачивалась. Она покачивалась так, слегка. Известно, что даже небоскребы качаются, однако стоят себе, не падают. Но у страха глаза велики, и тот, который тащил лопату, при каждом порыве ветра приседал, ему казалось, что так к земле ближе. Вниз он старался не смотреть, а если смотрел вверх, то башня, он чувствовал, начинала чертить в облаках гигантские восьмерки, словно мачта штормующего корабля.

— Ну всё, — хныкал он, — сейчас ляпнемся! Спутник этого труса спускался с небес более уверенно.

На носу у него были очки с очень сильными линзами, которые туман покрывал радужной пленкой. Очкарик то и дело протирал их и торопил своего жалкого лопатоносца.

Наконец четырехглазому надоело отлеплять скрюченные пальцы своего спутника от каждой железки. Он отобрал лопату, протер очки, прицелился и треснул товарища лопатой пониже спины.

— Ай-яяяяй! — взвыл тот, бросив перила и схватившись за ушибленное место.

— Вперед! — скомандовал Очкастый.

— Я пи-пи хочу! — жалобно сказал трус. И тут же получил лопатой по тому же месту, только в два раза больнее. Кубарем скатился на землю, топнул одной ногой, потом другой, задрал голову и посмотрел вверх:

— Ты гля, теперь не качается!

— Ну и трус же ты, ну и трус! — презрительно сказал Очкастый. — Держи свою лопату.

— Лучше пять минут быть трусом, чем всю жизнь покойником, — осклабился его спутник. Улыбка у него была щербатая.

Очкастый и Щербатый тронулись через двор к зданию телецентра.

— Еще раз повторяю, — сказал Очкастый. — Если спросят, мы — мастера. Я ремонтирую телевизоры, ты производишь отделочные работы. Нас вызвал комендант. Повтори.

Щербатый прикрыл глаза и забарабанил:

— Значит, так, м-мм... Еще раз повторяю: если спросят, мы мастера...

— «Еще раз повторяю» не надо.

— Ах, да! Еще раз повторяю: не надо, если спросят мастера...

— Балбес! «Еще раз повторяю» повторять не надо! Понял?

— Понял.

— Повтори. Пауза.

— Так повторять или не повторять?

— Повторяй!!!

— То надо повторять, то не надо... Теперь забыл, что повторять.

— Если спросят, понял, дурак? Если спросят, мы — мастера. Я ремонтирую телевизоры, ты производишь отделочные работы. Нас вызвал комендант. Повтори. Только не торопись. Соберись с мыслями. Собрался? Ну давай.

— Если спросят, понял, дурак, понял... Очкастый затопал ногами и закричал:

— «Если спросят» не надо!!! Это если к нам подойдут и спросят: «Кто вы?», мы ответим: «Я ремонтирую..» — и так далее!!! Понял?

Щербатый протянул:

— А-а... так бы и говорили! «Кто вы» раньше не было...

— Это ишаку понятно! Ну давай отсюда: «Я ремонтирую телевизоры...». Давай.

— Я ремонтирую телевизоры...

— Я.

— Я и говорю я!

— Да не ты, а я!

— Да не ты, а я!

— Я, я, я ремонтирую телевизоры, уголовник! А ты производишь отделочные работы!

— А я что говорю? Ты производишь...

— Ты производишь!

— Ты производишь!

Очкастый вдруг замолчал и долго-долго смотрел на своего ученика.

Щербатый съежился. Наконец Очкастый ласково спросил:

— Ты издеваешься надо мной, да? Щербатый отрицательно помотал головой.

— А что же ты делаешь?

— Не издеваюсь.

— Слушай меня внимательно. Если сейчас не повторишь, считай, что ты умер. Вот этой лопатой закопаю. Ясно?

— Ясно. Большая пауза.

— Ты что молчишь?

— Я слушаю... внимательно...

Очкарик отвернулся и заплакал злыми слезами. Отплакав, он сказал:

— Еще никто на целом свете не видел моих слез. Я плакал первый раз в жизни. И я тебе это припомню. Дальше. План меняется. С того момента, как мы войдем в эту дверь, ты — немой.

— А чей же? Я один бояться буду!

— Немой — это значит, что ты не произносишь ни слова, ни полслова, ни четверти слова. А если пикнешь, пеняй на себя...

Никем не замеченные, они проникли в здание через окно на первом этаже. Телевизионные журналисты сновали по длинным коридорам, не обращая внимания на пришельцев.

Очкастый удовлетворенно шепнул:

— Хорошо мы замаскировались. Однако я что-то не вижу цели нашего путешествия. Нужно спросить у кого-нибудь.

В коридоре появилась огромная внушительная фигура — Носорог, одетый в синие брюки-галифе и китель. Очкарик, поправив свои окуляры, очень вежливо обратился к Носорогу:

— Скажите, пожалуйста, где то место, откуда ведутся передачи? То есть, я спрашиваю, где студия.

Носорог осмотрел незнакомцев с ног до головы и медленно сказал:

— Я-то знаю, что место, откуда ведутся передачи, называется студией. А кто вы? У нас вход по пропускам.

Щербатый мгновенно струсил и забыл последнее наставление Очкарика. Но в голове засел вопрос: «Кто вы?»

— Если спросят, — сказал он, — мы мастера. Я производжу телевизоры, — при этом Щербатый внушительно помахал лопатой, — а ты ремонтируешь отделочные работы.

— Что я делаю? — удивился Носорог.

— Нет, это я... то есть он! Правильно: он ремонтирую телевизоры, а я производишь отделочные работы. Вот так.

И Щербатый стал копать пол. Отколупнул одну паркетину, другую.

Носорог некоторое время следил за ним в полном оцепенении. Потом выхватил у Щербатого инструмент и, как спичку, сломал деревянную ручку.

— Пропуска! — приказал он.

— Какие пропуска? — возвысил голос Очкарик. — Какие могут быть пропуска, когда нас комендант вызвал!

— Я — комендант! — грохнул Носорог.

В тишине где-то стрекотала, заливалась, хихикала звоночком пишущая машинка.

— Ах, это вы, — улыбнулся Очкастый, — очень приятно было познакомиться...

И повернулся, чтобы уходить.

— Сто-оп, — сказал комендант, — субчики-голубчики...

И начал с яростью втягивать в себя воздух.

В этот момент Очкастый выхватил из кармана спринцовку и пустил длинную струю хлороформа в широкую, словно кружка, ноздрю Носорога.

Глаза коменданта закатились, голова запрокинулась, он вздыбился и, чиркнув рогом по потолку, грохнулся навзничь. На живот ему обрушился кусок штукатурки, и на потолке образовалась серая рана, очертаниями напоминающая Африку.

Комендант сладко посапывал во сне.

— Мамочка, — пробормотал он, — укрой ножки... Щербатый захохотал и тут же получил по морде.

— Остальное потом получишь, — сказал Очкастый, — а теперь ходу. Ноги-ноги давай. У нас осталось несколько минут. Идти по-деловому, но не бежать.

Сообщники миновали несколько коридоров, когда за поворотом застучали торопливые копытца. Показалась прелестная Лань Лесная. Передние копытца у нее были покрыты перламутровым лаком, на шее играли янтарные бусы.

— Простите, — обратился к ней Очкастый, — вы не скажете, как найти студию? Видите ли, мы мастера...

— Идите за мной, — улыбнулась Лань.

У самой двери студии их нагнал Жора Уж, извивающийся молодой человек в обтянутом поблескивающим свитере. Он был редактором «Новостей».

— Ланя-Ланя-Ланечка, — пропел он, — вот тебе текстик, срочное сообщение для населения. Прочтешь перед сводкой погоды.

— Где вы раньше были? — сморщила носик Лань. — Что там случилось?

— Трое каких-то преступников сбежали. Особо опасных.

Очкастый и Щербатый переглянулись.

— Это нам кстати, — хищно шепнул Очкастый.

— Ах, какой ужас! — сказала Лань, с опаской беря текст. Жора склонился к ее ушку:

— Ах, Лань Лесная боязлива! Я провожу вас сегодня домой. Вас не ограбят, ваши красивые бусы останутся при вас...

Щербатый, не сводя глаз с дорогого украшения, шепнул:

— Встретилась бы она нам в темном переулке, да?

— Тсс! Приготовься к операции. Хлороформ... Лесная ушла в студию. Жора посмотрел ей вслед, поиграл раздвоенным язычком и скользнул вверх по лестнице.

Над дверью загорелась красная надпись: **НЕ ВХОДИТЬ ИДЕТ ПЕРЕДАЧА.**

Очкастый прочитал, ухмыльнулся и вошел. Щербатый двинулся следом.

Смертный приговор

Пришли в каждый дом. — «Теперь я хорошо вижу!» — Сила и слабость. — «Буду казнить и миловать». — Несправедливость! — Два поворота ключа.

На экране телевизора в кабинете Добермана-Пинчера, блеснув очками, появился Крот.

Он по-хозяйски уселся за стол рядом с дикторшей и махнул лапой.

— Иди, не бойся!

Возник Крыс с нахально-застенчивой улыбкой.

— Подвинься, ты! — свистящим шепотом сказал он Лани, плюхнулся на принесенный с собой стул и ойкнул. Болело от лопаты.

Лань посмотрела налево, направо и начала сползать со стула.

Крыс галантно подхватил ее и унес. Через несколько секунд он вернулся, ухмыляясь. Из кармана его свисал кончик янтарных бус.

— Ну что же, уважаемые телезрители, — начал Крот, — фотография вам вроде бы ни к чему. — Он взял со стола, аккуратно сложил и порвал снимки.

— Мы здесь собственной персоной, прошу любить и жаловать. Ваша попытка упрятать нас за решетку, увы, не увенчалась успехом. Наоборот, мы пришли в каждый дом. Советую в дальнейшем не посягать на нашу свободу. Любой, кто задумает это, поплатится, и поплатится жестоко. Чтобы утверждение мое не было голословным, я обещаю в ближайшее время привести в исполнение смертный приговор, который я вынес так называемому сыщику Шарикю. Он знает, за что. Шарик, может, ты меня слышишь?

— Слышу, — машинально сказал Шарик в экран.

Так вот, — продолжал Крот, — считай, что ты уже покойник. Это, как видишь, я заявляю при тысячах свидетелей, а мое слово твердое. Не обойду я своим вниманием и жителей дома № 1 на улице Дружбы. Теперь я не тот жалкий полуслепой инвалид, которого вы толпой загнали в угол. У меня теперь есть очки, и я очень хорошо вижу. Во всяком случае, я сумею разглядеть такую крупную фигуру, как Иван Иванович Слон. Слышишь, ты, устроитель воскресников?!

— Ну, Слона я на себя беру, — вставил Крыс, — у меня с ним старые счеты. Слышь, лопухий?

— Я требую беспрекословного повиновения от жителей города, — заявил Крот. — Мое требование на первый взгляд может показаться смешным. Но я знаю, что говорю. Я уничтожил

все аптеки и медицинские склады, но часть лекарств взял себе. И вот смотрите, что получается. В каждом доме есть тот, кому необходимо лекарство. Может, это бабушка. Может, дедушка. Может, ребенок. Вы, конечно, не захотите, чтобы болезнь у них обострилась и они умерли. Поэтому вы приползете ко мне на коленях и будете клянчить таблеточку. И если среди ваших близких нет больных, то они обязательно есть среди ваших соседей и знакомых. А вы ведь не захотите, чтобы несчастье постигло даже и незнакомого вам! Конечно, конечно, не захотите, я вас знаю!

Ваша слабость в том, что вас много и вы любите друг друга.

Моя сила в том, что я один и никого не люблю. — Крот усмехнулся. — Кроме себя, разумеется...

А если вы откажетесь от моих условий, в городе, лишенном лекарств, начнутся страшные эпидемии. Тиф, чума, холера скосят вас поголовно, и вы умрете в страшных мучениях.

Поэтому вам не остается ничего, кроме беспрекословного повиновения. — Глазки Крота загорелись за мощными линзами очков, он вдруг вскочил и закричал: — Я буду раздавать жизнь и смерть! Я! Вы сами свяжете и приведете ко мне моих врагов! Я! Я буду казнить и миловать! Я! Я!

Доберман-Пинчер, Шарик и Овчаренко смотрели на экран словно загипнотизированные: так поражало в Кроте сочетание опасного глубокого расчета с дикой ненавистью и самовлюбленностью.

— Овчаренко, — скомандовал начальник, — поднимай Школу по тревоге! Пока он распинается, доберемся до телецентра!

Руслан выскочил из комнаты.

— Шарик, ты остаешься здесь. Шарик остолбенел.

Ему показалось, что он не расслышал или неправильно понял распоряжение. Он остается? Он, который выследил преступников и боролся с ними под землей еще тогда, когда об их существовании никто не знал? Нет, это такая несправедливость, это такое... такое...

— Я не могу остаться, Рекс Бураныч. Понимаете, не могу. Кто же тогда, если не я-то?

— Да пойми ты, — рявкнул Доберман-Пинчер, — я себе никогда не прошу, если с тобой что-нибудь случится!

— А вы прямо взяли и испугались, да?

— Противника надо трезво оценивать. Короче, разговор окончен, давай держи хвост...

Наклонив голову, Шарик ринулся к двери.

Но Рекс Буранович молниеносным движением перехватил его и мягким толчком отбросил к окну. Всё произошло ошеломительно быстро, словно Шарик и с места не трогался. Только плечо побаливало.

— Дисциплинка, — сказал Доберман-Пинчер, — ой, дисциплинка...

— А меня ваша дисциплинка не касается, — закричал Шарик. — Овчаренке своему

приказывайте, а я вам никакой не ученик даже!

Рекс Буранович не ответил, только укоризненно посмотрел на сыщика и вышел.

Побег, погоня, полет

Чувство долга и кашель. — Прекрасная компания. — Маша. — Бальзам на раны. — Облава. — Сыщик мчится по следу. — Бандитский аэроплан. — Шарик улетает в туман.

С той стороны два раза повернулся ключ.

Неукротимый сыщик вскочил на подоконник и прыгнул на мокрую ветвь. Дерево слегка содрогнулось и с шелестом окатило Шарика с ног до головы. Посыпались на асфальт каштаны. Некоторые лопнули и открыли влажные коричневые глаза.

По зыбкой ветви Шарик добрался до ствола.

На мотоцикле проехал Овчаренко и остановился неподалеку, возле ворот, где наготове уже стояла грузовая машина.

На плацу перед строем энергично говорил Доберман-Пинчер.

— Овчаренко, — вполголоса позвал Шарик, — эй, Руслан!

Овчаренко насторожился и стал озираться. Шарик сорвал каштан и кинул в Руслана.

— Сейчас я кому-то кину, — пообещал Руслан.

— Я здесь, на дереве.

— От жук березовый! Ты чего там?

— Слышь, Руслан, меня Рекс Буранович не хочет на операцию брать, запер.

— Значит, сиди.

— Не могу я сидеть. Слышишь, Руслан, если я в машине спрячусь? Бураныча ты повезешь?

— Ну я.

— А я в машине вместе со всеми. Тип-топ?

— Лезь. Только Бураныч тебя всё равно снимет.

— Откуда он узнает, что я там?

— А я ему скажу.

— Такой, да? Тебе что, больше всех надо?

— Как же я ему скажу, что не видел, когда видел?

— Он тебя и спрашивать-то не будет!

— Всё одно: если видел, обязан доложить.

Доложить, доложить! Вон солнце выглянуло, ты тоже докладывать будешь: «Рекс Бураныч, солнышко появилось!». Не смейся, а то упаду.

— То солнышко, а то ты. Если видел, обязан доложить как штык.

— Слушай, ты вообще-то мне помочь хочешь? Что ты как этот... Ну, Русланчик...

— Вообще-то, конечно... Ты полное право имеешь... Только не могу я. Если видел, обязан...

— Ну, заладил! Слушай, ты уйди на минутку!

— Не могу технику бросать. Не положено.

— Ну, отвернись.

— Та я ж услышу! У меня уши знаешь какие?

— Заткни!

— Та не могу, — страдая, сказал Овчаренко. — При исполнении не положено.

— Что же делать, Русланчик? Я тебя не выдал, что ты меня допрашивал, а ты...

— Ладно, слухай сюда. Кашлять при исполнении можно? Не воспрещается. Я вон туда отвернусь, буду кашлять, ничего не увижу и не услышу. Только ты тихо, а то услышу — всё пропало. Кхе-кхе-кхе-кхе-кхе-кхе-кхе-кхе...

Спускаясь с дерева, Шарик тряхнул ветку, и опять посыпались эти проклятые каштаны: тра-та-та-та!

— Шо такое? — в отчаянии воскликнул Овчаренко. — Шо я слышу? Каштаны сыплются отчего-то...

— Это ветер налетел, — сказал Шарик, — ш-ш-ш-ш... у-уу-у...

— Правильно! Это же ветер! Холодно... кхе-кхе-хе...

Шарик забрался в кузов машины; спрятался за бортом и сказал:

— Всё, ветер ушел. Овчаренко осторожно обернулся.

— Да. Вроде ушел. Ветер ушел, а все идут сюда. А мне нужно заводить мотоцикл...

Шарик услышал, как рыкнул стартер, и мотор затарахтел.

В кузов лавиной посыпались возбужденные предстоящим делом ученики. Кого здесь только не было! Эрдельтерьер! Ротвейлер! Сенбернар! Дог! Пудель! Колли! Ризеншнауцер! Ньюфаундленд!

Какие это все были красавцы! Мощные лапы, широкие груди, громовые голоса!

Сколько раз Шарик с завистью наблюдал за ними сквозь щель в заборе, которым была огорожена тренировочная площадка! И вот теперь Шарик среди них, этих героев, мчится сквозь дождь и ветер! Конечно, если говорить абсолютно точно, то в суматохе сыщик оказался

не среди них, а скорее под ними, где-то в углу под лавкой, придавленный и полузадушенный. Раздалась команда Доберман-Пинчера, и грузовик сорвался с места.

— Смотрите, что у нас завелось! — раздался чей-то бас, и Шарик вознесся на воздух. Сыщика держал за шиворот огромный Дог по имени Данила.

Раздались возгласы:

— Ух ты, гигант! Красавец и здоровяк! А Данила спросил:

— Ты кто такой?

— Что вы всё за шиворот хватаетесь? — взбеленился сыщик, болтая лапами. — Ну Шарик я! Шарик! Сыщик!

— Который Шарик? Это тебе, что-ли, Крот смертный приговор вынес?

— Мне!

— Братцы, — воскликнул Данила, все еще держа сыщика на весу, — это тот самый Шарик! Чем же ты Кроту насолил?

— Это длинная история, — свысока ответил Шарик. — Может, вы меня все-таки отпустите?

— Извини, — сказал Дог, опуская сыщика на лавку.

— Может все-таки не «ты», а «вы»? — продолжал задираться разозленный сыщик. — Я с вами под забором не ночевал!

— Ого, — просипел сзади Сенбернар. — Шарик, ну-ка выдай ему как следует, не стесняйся!

А кто-то протянул:

— Всё, Данила, тебе конец! Пиши оттуда письма...

— А что, могу и выдать! — огрызнулся Шарик. Раздался дружный хохот.

— Оставьте его в покое! — раздался вдруг тоненький повелительный голосок. — Не видите, он весь израненный!

Появилось существо, которого Шарик раньше не заметил по причине его малого роста. На длинноухой головке синий берет, кокетливо сдвинутый на ухо. На боку большущая сумка с красным крестом. Звали это доброе существо Маша. Она была Такса.

— Вот лбы здоровые, — сказала Маша, пробираясь к Шарик. — Ты их не бойся, они добрые. Только очень громадные, а, в сущности, щенки еще.

Маша начала смазывать Шариковы ожоги приятно охлаждающей мазью.

— Шарик, — раздался ехидный голос Ризеншнауцера, — вы знаете, очень странно... Она к вашей светлости на «ты» обращается, а «вы» терпите...

Машина резко затормозила, все попадали друг на друга, а потом начали выпрыгивать. Сыщик осторожно выглянул из-за борта и увидел здание телецентра, а за ним громадную вышку,

уходящую в облака. У входа панически извивающийся Уж что-то рассказывал Доберман-Пинчеру.

Начальник и Овчаренко вошли в подъезд. Чуть помедлив. Шарик выбрался из машины и помчался следом.

Из двери студии выносили мертвецки спящих телевизионных журналистов. От них разило хлороформом. Всхлипывающая Лань лежала на диванчике, и ей давали нюхать нашатырный спирт.

И Шарик учуял знакомый запах! Его забивали хлороформ и нашатырь, но сыщик мгновенно узнал его, этот запах подземелья!

И помчался по следу.

Шарик бежал по лестницам, по коридорам, он подпрыгивал, припадал к полу, и запах становился сильнее. Вдруг сыщик столкнулся с Доберман-Пинчером и Овчаренко, которые методично осматривали кабинеты.

— Шарик, ты как сюда... — грозно начал Доберман-Пинчер.

— Потом, потом, — крикнул Шарик. — Я след взял, я помню их запах! За мной!

Преследователи выскочили во двор и увидели, что Крот и Крыс, шлепая по лужам, бегут к вышке, стоящей в центре огороженного двора.

— Они в ловушке, — сказал Доберман-Пинчер. Над забором, окружающим телебашню, показались курсанты, которые по приказу начальника рассыпались цепью.

Но убегающие не растерялись. Нет, Крот и Крыс все так же неслись к вышке, словно в ней было их единственное спасение. Крот задрал голову и закричал на бегу:

— Нюрка, раздува-ай!

И загадочный приказ полетел вверх, на макушку телебашни, где Нюрка Муха дежурила около воздушного шара. Да, да, этот бешеный выдумщик Крот соорудил летательный аппарат из материалов, найденных в мусорном ящике.

Прежде всего он раскопал множество полиэтиленовых пакетов и мешочков — ну, знаете, в которых продают продукты и разные там рубашечки, носочки. Из всего этого Крот с помощью Крыса и Нюрки склеил один большой-пребольшой мешок. Затем в куче мусора была найдена старая, но вполне еще крепкая бельевая корзина. Ее привязали к горловине мешка шпагатиками, кусочками проволоки, тесемочками, обрывками веревки. Потом в центре корзины поставили облупленную кастрюлю с оборванной ручкой, в нее накидали щепок, палок, стружек, опилок и подожгли. Теплый воздух из жаровни пошел в отверстие мешка, и он стал надуваться. Когда воздушный шар приобрел свои окончательные очертания, оказалось, что шар — это одно название. На самом деле аэростат походил на латаный-перелатаный полупрозрачный и кривой чемодан, облепленный картофельными очистками и помидорными шкурками. К тому же от сооружения несло какой-то дрянь. Но Крот был очень доволен. Воздушные пираты взлетели — ветер был попутный — и причалили к телебашне. Крот и Крыс, как мы уже знаем, под видом рабочих спустились вниз, а Нюрка была оставлена на башне, чтобы держать летательный аппарат в боевой готовности.

Услышав вопль Крота, Муха, словно живой вентилятор, стала метаться над углями, крыльями гоня воздух. Пламя мало-помалу занялось, сморщенный мешок снова надулся, возвращая себе подъемную силу. Канат, которым воздушный шар был привязан к башне, то натягивался, то ложился баранками на площадку.

Снизу, из тумана, выскочил Крыс и шмыгнул в корзину.

За ним появился пыхтящий Крот и стал отвязывать канат.

Башня гудела от топота ног, возбужденных голосов погони, и Крыс повизгивал от страха.

Крот неторопливо забрался в корзину, взял со дна ее кирпич и замер, чего-то ожидая.

— Бросай груз! — взвизгнул Крыс. — Не взлетим же!

На площадку выпрыгнул Доберман-Пинчер и на секунду остановился, пораженный зрелищем невиданного аппарата.

Крот, сладострастно застонав, метнул кирпич в Доберман-Пинчера. Тот упал.

Воздушный шар, освобожденный от груза, пошел вверх и вбок, а за ним побежал в небо канат. Перепрыгнув через Рекса Бурановича, в канат вцепился Шарик. Его сорвало с площадки, и он полетел в туман.

Собрание

Бой барабана. — Выступление воробья с высокой трибуны. — Хитрый Козел перед лицом коллектива. — Меры самообороны. — Единогласное решение. — «Какая смена растет!»

Тихо было во дворе дома № 1.

Козел Тимофей вытащил во двор свой старый диван и лениво выколачивал его. Пружины в недрах дивана лязгали и стреляли. Стукнув несколько раз скалкой, Тимофей ложился на бугристую подушку и, глядя в хмурое небо, думал, не выкинуть ли эту рухлядь на помойку.

Вдруг раздался тревожный барабанный бой.

Лев Львович Заяц из пятой квартиры, профессиональный цирковой барабанщик, установив свой гулкий инструмент посреди детской площадки, бил в него мозолистыми лапами.

— Дзинь-дзинь-дзинь-дзинь! — звенели стекла в квартирах.

— Трах! Бух! Бах! Бумм! — отзывались двери. Это близнецы Катя, Кетя, Кутя и Котя бегали по этажам, созывая жильцов.

— На собрание, на собрание, — пищали котята, — все на собрание!

Активный общественник Иван Иванович Слон, нервно прохаживаясь возле барабана, время от времени поднимал хобот и могуче трубил:

— На собра-а-ание!!!

Загудели, зашумели, загомонили, завизжали, покатались по лестницам голоса:

- Что такое?
- Что случилось?
- Кто барабанит?
- Ой, дверь захлопнулась, оладьи сгорят!

Митька, запасай лекарства! И соль!

- А вы не смотрели?
- Что не смотрели?
- Телевизор!
- Крот же, Крот!
- Выступал Крот!
- Из тюрьмы?
- Ой, придавили!
- Митька, говорят, в аптеке мука кончилась.
- Тише вы своими копытами!

Наконец жильцы выкатились из подъездов и стали кричать друг другу «тише, тише», отчего становилось всё громче и громче. Активный общественник поднял над толпой председательский колокольчик и оглушительно позвонил. Вообще-то колокольчик больше походил на колокол, потому что был сделан Слоном из чугунной урны. Слегка контуженное собрание угомнилось.

— Все присутствуют? — спросил Иван Иванович.

— Все, все!

Мама Муркина на балконе подняла лапку и спросила:

— Можно, я буду отсюда присутствовать? У меня Захарка болеет.

Слон обратился к жильцам:

— Поставим вопрос на голосование? В толпе раздались возгласы:

— Дело давайте, Иван Иваныч!

— Что ты как этот!

Слон внушительно пробасил:

— Даже в чрезвычайных обстоятельствах необходимо соблюдать порядок. Но если собрание не возражает, пусть Муркина присутствует из дома. Слово для доклада...

Воробей Николай вспорхнул на обширную голову председателя собрания и чирикнул:

— Кончай, Иван Иванович, резину тянуть, понял? Давай я в двух словах скажу, я всё видел!

Председатель шевельнул ушами, поозирался и беспокойно спросил:

— Ты где, Николай? В толпе засмеялись.

Воробей изо всех сил топнул ногой в лоб председателя:

— Вот он я! Доходит?

— А-а... — успокоился Иван Иванович. — Ну, если собрание не возражает...

— Не возражаем!

— Давай, Колька! Выступай с лобного места!

— С высокой трибуны говори, так виднее! Председатель грохнул в колокольную урну и объявил:

— Слово для экстренного сообщения предоставляется Николаю Воробью.

Многие тут телек сегодня не смотрели, так я расскажу, что видел собственными глазами, — скороговоркой начал Николай.

Он коротко и энергично описал нахальное выступление Крота, рассказал, что облетел с утра весь город и сам видел аптеку и медицинские склады, сгоревшие дотла.

Уже к середине Воробьиной речи Тимофей Козел, панически трясая бородой, начал проталкиваться к своему подъезду.

— Пустите-ка меня, — блеял он, — ну-ка быстренько, пустите-ка меня...

Когда Николай закончил, толпа ошеломленно молчала.

Донесся нервный всхлип артиста Попугай-Амазонского:

— Господи, что же это такое творится, то копают под тебя, то чуму обещают! Просто невозможно творчески работать в такой обстановке! Что это такое, я вас спрашиваю?

Ему никто не ответил.

— Переходим к прениям, — сказал Слон.

Хлопнула дверь подъезда. Возле него стояла ручная тележка с горой коллекционного мыла. А возле тележки стоял Тимофей с громадной авоськой, набитой продуктами.

— Ты куда это намылился, Тимоша? — насмешливо осведомился Федя Медведь, слесарь-водопроводчик дома № 1.

Я? — Козел покосился на Федю хитрым желтым глазом и беспечно мотнул бородой. — Так... за город. Погулять.

— А с телегой не тяжело гулять, Тимоша?

— Не-а. До речки дойду — помоюсь.

— Вот Козел! А продуктов зачем столько нахватал?

— Пройдусь, искупаюсь, проголодаюсь — поем немножко.

— Не лопнешь?

— Не-е. Да ну вас всех, — внезапно обозлился Козел.

Закряхтев, он тронул тележку с места и покатил по дорожке. Но Медведь остановил его мощной рабочей лапищей, которая без инструмента гнула водопроводные трубы.

— Нет, борода, стой! Вы чувствуете, — обратился Федя к жильцам, — что он замышляет?

— Чуем, чуем, — чирикнул Николай, — упорхнуть задумал.

— Ай-й-й-й! Неужели это правда? — сказал Слон. — Мне стыдно за вас, Тимофей! Перед лицом общей беды вы задумали отколоться от коллектива!

— Прикажешь помирать коллективно? — огрызнулся Козел.

Собрание возмущенно загудело. Федя поднял лапу:

— Тихо! Все знают, от чего бывают болезни и эпидемии?

Собрание дружно грохнуло:

— От грязи!

— А грязь бывает от чего?

— От без мыла! — крикнули близнецы.

— Соображаете, — похвалил их Медведь. — Ребенку понятно: есть мыло — нет грязи, нет мыла — есть грязь, болезнь, эпидемия...

Поняв, куда клонит Федя, Козел заблеял:

— Это же м-мое м-мыло, м-мое!

— В трудные времена — всё общее, — отрезал Медведь. — Вношу предложение: мыло отобрать, а когда угроза эпидемии пройдет — возместить.

— Кто за это предложение? — спросил Слон. — Единогласно!

— Дальше, — продолжал Федя. — Перед лицом болезненной угрозы как слесарь-водопроводчик обещаю бесперебойную подачу воды в каждую квартиру нашего славного дома.

Он сел под бурные аплодисменты. Близнецы вытолкнули вперед Катю.

— Мы, — волнуясь, начала она звонким голосом, — от коллектива близнецов предлагаем умываться три раза в день: утром, перед обедом и вечером.

— Четыре раза! — крикнул Китя.

— Пять! — крикнул Кетя.

— Шесть! — крикнул Китя.

— Шестнадцать! — крикнул Котя. — Нам, котяткам, нетрудно!

Это, пожалуй, многовато, — заметил председатель, — а вот хотя бы два раза в день — обязательно. Кто за предложение близнецов, прошу голосовать.

Все проголосовали единогласно и хором крикнули:

— Близнецы — молодцы!

— Какая нам смена растет, — прошептал Слон, растроганно глядя на котят. — Чистые лица, чистые помыслы...

И все вдруг заметили, что тучи рассеялись. Что выглянуло солнышко. Что ветер утих.

Доблестный слесарь сокрушает диван

Кто кого поймал? — Федя спешит на помощь. — Подвиг Воробья. — Находчивый Иван Иванович. — Два удара могучего слесаря. — «Деньги? Не надо!» — Артист воспаряет — но поздно.

На присутствующих пала мутная тень. Над двором висел полупрозрачный кривой чемодан. Из корзины летательного аппарата свешивалась веревка, на конце которой болтался героический сыщик Шарик. Держась из последних сил, он висел над бездной двора, и с неба донесся его голос:

— Здесь бандиты! Я их поймал!

Шарик сделал попытку зацепиться за верхушку дерева, но веревка качнулась, и в когтях у сыщика остались лишь обрывки тополиных листьев.

Еще раз. Безуспешно.

Обессиленный Шарик сползал по веревке всё ниже. Толпа стояла, закаменев.

— О ужас! Ужас! Ужас! — прошептал артист Попугай-Амазонский.

Шарик крикнул:

— Они не могут улететь, потому что ветер утих!

Бесстрашный слесарь Федя Медведь кинулся к тополи, могучими лапами обхватил могучий ствол, крикнул и полез. Очень быстро он стал невидим в густой листве. Все разбежались в стороны и напряженно наблюдали за деревом, к подножию которого осыпались кусочки коры. Иногда вздрагивала ветка, и только поэтому можно было определить, где находится Федя. Вот еще одна шевельнулась. Еще одна — повыше.

...Шарик висел, стиснув челюсти, закрыв глаза. Мало того, что сыщик раскачивался как маятник, его еще вертело вокруг собственной оси. Шарика замутило. Там, на вершине телевизионной башни, вцепившись в убегающую веревку и ухнув в серые тучи, он подумал: «Ага, попались!». Но когда каждая шерстинка Шариковой шкурки намочла и его стала бить

дрожь, когда в нескольких сантиметрах от него пронеслась теплая тень заводской трубы, когда, наконец, в разрыве облаков, в немыслимой дали, он увидел крохотные прямоугольнички крыш, Шарик начал понимать, что, скорее, не преступники попались, а он, сыщик... Шарик воспрянул духом, когда увидел знакомый двор, полный друзей. Но за тополь уцепиться не удалось, а последние силы уходили...

«Может, бросить веревку? — подумал Шарик. — Две секунды — и всё...».

— Слышь, — раздался рядом густой задыхающийся бас, — слышь, друг, дай лапу!

«Это кажется, — подумал Шарик, не открывая глаз. — Бред».

— Дай лапу, слышь, ч-черт лохматый! — рявкнуло так, что глаза Шарика сами собой открылись.

На тонкой ветви тополя — просто чудо, как она выдерживала, — балансировал доблестный слесарь Федя Медведь!

Шарик потянулся к спасителю, но в этот момент сыщика повернуло к нему спиной. Федя цапнул, но только репей содрал с Шарикового хвоста.

— Эх-х! — шумнул слесарь, и под ним опасно захрустело.

А Шарика с бешеной скоростью завертело волчком.

— Не вертись ты! — осердился Медведь.

— Как же я могу не вертеться, если вы меня сами завертели! Вы палочку сломайте, палочку, и меня доставайте!

Молоток! — одобрительно проворчал Федя и, пятясь, пополз к стволу, но в этот момент — фр-р — в воздухе рядом с Шариком очутился Воробей. Он вцепился клювом в многострадальный хвост Шарика и, усиленно работая крыльями, остановил вращение.

— Брось дрова ломать, понял! — крикнул Николай Медведю, который выламывал громадный сук. — Я сыщика раскатаю и к тебе подтолкну. Раз-два, взяли, раз-два, взяли, раз-два...

— Н-на! — раздался сверху злорадный возглас, и что-то просвистело мимо Воробья.

Внизу раздался жуткий волчий вой. Это не своим голосом взвыл Козел, которому пуля, выпущенная Крысом из рогатки, угодила в спину.

Тимофей ринулся под дерево.

Иван Иванович ударил в набат и объявил:

— Воздушная тревога! Всем в укрытие!

Население перешло под густую крону тополя. Только активный общественник бесстрашно остался на прежнем месте, чтобы наблюдать развитие военных действий.

Над краем корзины свесилась морда Крыса, который снова заряжал рогатку.

— Ах ты ж, кр-рыса ты летучая! — воскликнул пылкий Николай, бросаясь вверх.

Несколько секунд с дерева сыпались рваные листья.

По двору непредсказуемыми зигзагами прыгала диванная пружина. Козел поймал ее и прижал к груди.

— Как же так, — пролепетал он, — мой диван... совсем новый...

Из кучи того, что совсем недавно было диваном, вылетела Муха и уселась на правый рог Тимофея. Она довольно потирала лапки.

Куча зашевелилась, и показалась голова слесаря. Глаза его блуждали.

— Где? — спросил он. — Где эта... Где она? Я ее сейчас...

— Жжжжмякнулся? — сказала Муха, перелетая на левый рог Тимофея. — Я предупрежжждала!

— Ты живой, Феденька! — обрадовался Козел. — Отдавай за диван деньги.

И здесь Медведь увидел Нюрку и вlepил ей изо всех сил. Вернее, Муха-то упорхнула, а Тимофей получил по рогам. С тех пор до конца своих дней Тимофей, услышав слово «деньги», бежал куда глаза глядят с воплем: «Не надо!»

— Еще разок! — подзадоривала Муха, вися над головой Попугай-Амазонского.

Слесарь схватил громадный сук и с рычанием погнался за Мухой.

Жильцы дома № 1 бросились врассыпную.

В опустевшем дворе, по-петушиному задирая ноги, бестолково метался артист. Он опять забыл, что у него есть крылья. По пятам за артистом с трехметровым дрыном мчался яростный слесарь, а подлая Нюрка азартно визжала над Амазонским:

— Бей своих, чтоб чужжие боялисссс!

— Уйди, Амазонский! — надрывался Федя, размахивая своей страшной палицей. — Уйди с-под Мухи!

Неизвестно, чем бы кончилась погоня, если бы с небес не грянуло приказание Крота:

— Нюрка, сюда!

Федя метнул ей вслед свое оружие. Едва не задев Шарика, палица провалилась в небо, а через семнадцать минут с грохотом свалилась на крышу дома № 1, где и лежит до сих пор.

— Смотрите, смотрите! — закричали глазастые близнецы.

Конец веревки, свободно болтавшийся под сыщиком, вдруг загнулся крючком и, словно кобра, покачиваясь, стал подниматься! Веревка, как живая, несколько раз обернулась вокруг Шарика. Это Нюрка, уцепившись за конец каната и летая кругами, связала сыщика!

Крот и Крыс начали втягивать беспомощного Шарика в корзину.

Волоча подбитое крыло, Воробей подскочил к Амазонскому:

— Слышь, артист, продырявь ты этот шар!

— Кто, я? — пролепетал артист, еще не пришедший в себя от погони.

— Ты, кто ж еще! — напирал Воробей. — Делов-то! Будь у меня крыло...

— Видите ли, — забормотал Амазонский, — у меня, как всем известно, очень тонкая нервная система, и если я оттуда... гм-гм... упаду в обморок, искусство понесет невосполнимую потерю. Этого мне никто не простит. Извините, мне нужно идти работать над собой!

Так и ускользнул бы Попугай-Амазонский, если бы не Иван Иванович, который понимал душу артистов. Активный общественник подмигнул жильцам дома № 1, воскликнул: «Просим! Просим!» — и начал аплодировать.

Со всех сторон раздались дружные аплодисменты, переходящие в овацию, и возгласы:

— Просим! Bravo! Бис! Просим!

У любого артиста от этих волшебных звуков исчезают волнения и страхи, а душа просится в полет. Блистающие крылья раскрылись сами собой. Амазонский поклонился публике, разбежался и взмыл в воздух, как сверкающая ракета! Увы!

Воздушного шара уже не было над двором. Тянул ветерок, тополь тревожно шелестел. На солнце снова надвигались тучи.

Верьте!

Речь Добермана. — Кто всхлипывал в строю? — Народная медицина. — Ветер от норд-веста. — Маша и Руслан отправляются на поиски.

В это время на плацу школы Рекс Буранович Доберман-Пинчер держал речь перед строем курсантов. Голова начальника была перевязана (болела рана, нанесенная кирпичом злодея). Говорил Доберман трудно, и слушали его, затаив дыхание.

— Не остается никаких сомнений, что Шарик погиб. Он до конца выполнял свой долг, преследуя преступников с такой настойчивостью и бесстрашием, какие сделали бы честь любому воспитаннику нашей Школы. Как я теперь понимаю, он мог бы находиться в наших рядах, несмотря на... хм... не совсем подходящие внешние данные. — Начальник сделал длинную паузу, вздохнул и, повысив голос, продолжал: — Но, как это ни тяжело, мы должны признать, что погиб он из-за собственной недисциплинированности. Нарушив мой приказ, он самовольно участвовал в облаве. Это печальный жестокий урок, который мы все должны усвоить. Дисциплина, дисциплина и еще раз что?!

— Дисциплина! — железно громохнул строй.

— Вот так, — одобрил начальник. — Вопросы есть? Нет. Держите хвост пистолетом.

И вдруг кто-то всхлипнул.

Доберман-Пинчер растерялся. Даже испугался.

— Что это? — сказал он нестройным голосом. — Кто это, а? — и гаркнул: — Два шага вперед шагом арш!

Вышла Маша.

— Разрешите обратиться, — сказала она, глотая слезы.

— Обращайтесь.

— Почему вы говорите, что Шарик погиб? Нужно искать, нужно верить... и... и какая же у него внешность неподходящая, если он очень... очень симпатичный... Я таких еще не встречала.

И Маша заплакала навзрыд, прижав к глазам свое мягкое шелковое ухо...

Доберман-Пинчер не знал, как ему поступить. В первый раз за всю историю Школы в строю плакали. Это было, на взгляд начальника, вопиющее нарушение дисциплины. Но, с другой стороны, плакал не могучий Овчаренко, не громадный Данила, а маленькая медицинская сестричка Маша. И Доберман-Пинчер решил, что ей полагается быть милосердной и жалостливой. Поэтому он неслужебно сказал:

— Встань-ка, Маша, в строй. Конечно, мы пошлем группу на розыски Шарика. Но не это наша главная задача. И даже поиск преступников — дело не первоочередное.

— Та як же ж так? — ахнул Овчаренко.

— Разговорчики в строю! — оборвал его начальник. — На данный момент главная задача нашей Школы — спасение города. Пусть банда уничтожила запасы лекарств! Крот забыл, что на свете существует такая вещь, как народная медицина. Мы немедленно отправляемся в поля и леса на сбор лекарственных растений. Кто, кроме нас, с нашим тонким чутьем, может справиться с этим делом! По машинам! — приказал Доберман-Пинчер и тотчас крикнул: — Отставить!

Он увидел, что через забор, окружавший Школу, лезут котята-близнецы, крича:

— Подождите! Подождите!

Подбежав, Катя крикнула:

— Шаржа!

— Который сыщик, — вставил Кутя.

— В плен взяли, — сообщил Кетя.

— На воздушный шар, — закончил Котя.

— Знаете конкретно, куда они полетели?

— Знаем. Конкретно их ветром унесло. Начальник поднял породистый нос, понюхал.

— Ясно. Ветер от норд-веста. К реке. Овчаренко, на мотоцикл! С собой возьмишь...

Доберман-Пинчер скользнул глазами по строю курсантов.

— Можно я? — шагнула вперед Маша и, увидев, что начальник колеблется, торопливо добавила: — Шарик изранен. Вдруг ему моя помощь потребуется?

— Хорошо, — согласился начальник. — Овчаренко, выполняйте.

— Есть! — откликнулся Руслан, завел мотоцикл и, откинув полог коляски, сказал Маше: — Сидай. Держись крепче.

Мотоцикл взревел, и они помчались.

— По маши-инам! — донеслось до них со двора Школы.

Страшное слово: предатель

Авария. — Разговор сумным Бегемотом Дусей. — Транспорт покидает своих хозяев. — Явление корзины над обрывом. — Преследование вплавь. — Метания Крыса. — Страхи бесстрашного.

Никогда в жизни Маша не ездил так быстро! Встречный ветер выжимал из глаз слезы, а шелковистые ушки Маши тянулись за ней горизонтально, как флажки, и, казалось, испуганно лопотали: «Ой, оторвемся, ой!». На поворотах шины визжали, пассажирку прижимало то к одному, то к другому борту коляски, и Маше всё время хотелось зажмуриться. Но она заставляла себя глядеть в небо, потому что там вот-вот мог появиться аэростат с пленником. Ион появился!

Мутно-серая точка в голубом прорыве между облаками!

— Вот он! — воскликнула Маша.

— Где? — задрал голову Овчаренко. Не нужно было этого делать!

Мотоцикл врезался в ограду сквера. Водитель и пассажирка перелетели через нее — хорошо, что ограда оказалась невысокой, — и шлепнулись на мягкий газон.

— О-ох! — крикнул Овчаренко.

— Ай! — пискнула Маша.

Бегемот Дуся поливал из шланга цветы. Он повернул свою большую умную голову и долго смотрел на каких-то двоих, которые появились неизвестно откуда да еще разлеглись на траве.

— Это порядок? — спросил Дуся сам себя, подумал и ответил: — Это непорядок. Эй, не фулюганни-чайте! Не видите, что ли?

В землю была воткнута палка, а к палке прибита фанерка с надписью:

ПО ГАЗОНУ НЕ ХОДИТЬ! ШТРАФ! 3 Р.

— А мы ходим? — спросил Руслан.

Дуся смотрел-смотрел, думал-думал и признал:

— Нет. А что вы делаете?

— Мы лежим.

— Ага. — Бегемот удовлетворенно кивнул, повернул фанерку. На той стороне было обозначено:

НА ГАЗОНЕ НЕ ЛЕЖАТЬ! ШТРАФ 5 Р.

— В следующий раз будете знать, как фулюга... А Руслан с Машей уже стояли на четвереньках!

— Мы не ходим и не лежим, — заявили они. Бегемот Дуся смотрел-смотрел, думал-думал и вытащил из необъятного кармана еще одно объявление:

ВЫГУЛ СОБАК ЗАПРЕЩЕН! ШТРАФ 5 Р.

— Теперь попались, фулюганы, — сказал Дуся, направляясь к нарушителям.

— Ты по чему идешь? — быстро спросил Руслан.

— По газону, а что?

— Штраф, вот что!

Дуся долго и трудно размышлял и наконец жалобно протянул:

— У меня с собой столько нету. Только три копейки на газировку.

— Вот придешь до дому, — строго сказал Овчаренко, заводя мотоцикл, — и заплатишь себе штраф. Я проверю.

Маша хихикнула:

— И квитанцию не забудь выписать.

Руслан и Маша помчались дальше на мотоцикле, хотя то, на чем они теперь сидели, мотоциклом можно было назвать с большой натяжкой. Фара разбита, руль скособочен, коляска погнута так, что похожа на консервную банку, которой целый день играли в футбол, переднее колесо «восьмерило» и лихорадочно колотилось, просясь на волю. Вся эта груда металлолома гремела, звенела, плевалась дымом, чихала, стреляла и тряслась непрерывной дрожью, отчего у седоков колотились зубы, а в глазах двоилось, троилось и четверилось.

Город кончился, выскочили на шоссе, и вдали показалась серо-синяя полоска реки.

— О-о-о... ста... станови... о-о-о-гля-глядимся!

— Не-не-не-нельзя, — крикнул Руслан, тоже заикаясь от тряски, — бо-боюсь, не заведемся!

— Во-во-вон они ле-ле-летят! Сворачивай! Овчаренко круто свернул на кочковатый пустырь, заросший бурьяном. Тряска усилилась.

Таща по земле бледную тень, медленно снижаясь, летательный аппарат тянул к реке.

Овчаренко прибавил газу. Что-то, сверкнув, оторвалось от мотоцикла и пропало в траве. Мотор взревел с утроенной силой.

— Ой! Вы-выхлопная тубра... турба оторвалась! — крикнула Маша.

Буду я за ка-каждой же-же-железкой оста-ста... — ответил Руслан.

— Ко-ко-ко-ко-ко! — вдруг панически завизжала Маша. — Ко-ко-ко-ко-о! О! О! О!

Овчаренко скосил глаза и понял: «Коляска отрывается!».

— Пы-пы-пы-пы, Машка! — заорал он. — Пыржай на за... ой... е-ень!

Маша сообразила, что Овчаренко приказал: «Прыгай на заднее сиденье!». Она так и сделала.

Коляска с хрустом оторвалась, помчалась прочь и спряталась за кустом. Тотчас, оттолкнувшись от кочки, словно от трамплина, переднее колесо вырвалось на свободу и в два прыжка исчезло впереди.

Несколько секунд пассажиры мчались на последнем колесе, потом оно стяхнуло их и убежало вперед — купаться. Колесо и мотор кинулись с откоса и плюхнулись в воду. Взвился столб пара. Это освежался раскаленный двигатель.

Наступила оглушительная тишина.

Покинутые транспортом, пассажиры сидели над высоким обрывом.

— Ты жива, Машка, или? — сказал Руслан. После железного грома и грохота его голос показался ей комариным писком.

— Жива, — ответила Маша, и собственные слова дошли до нее издалека. — Где моя сумка?

Овчаренко засмеялся:

— Ну ты, Маш, и перегружала! Закудахтала, як кура: ко-ко-ко-ко! Турба отвалилась! Ой, не могу!

— А сам-то, сам! — заливалась Маша. — Ку-ку! Пыржай! Ха-ха-ха!

Они вдруг прекратили смеяться и оцепенели, выкатив глаза. Между ними, едва не касаясь земли, слегка покачиваясь, плыла корзина аэростата!

Они увидели содержимое корзины: жаровню, в которой дотлевали угли, Крота в очках, Крыса, связанного Шарика, на ухе которого, словно в кресле, развалилась Муха. Видна была каждая буквица Нюркиной татуировки: «Они устали, но их не догонишь».

Никто не шевельнулся, все смотрели друг на друга, а корзина медленно-медленно двигалась к краю обрыва. Вот она зацепила одиноко растущую ромашку, пригнула ее и полетела уже там, над пропастью... А ромашка разогнулась и закачалась...

Шарик опомнился и закричал:

— Ребята, что же вы?

Он попытался вскочить. На него навалились Крот и Крыс.

— Они теряют высоту, — донесся сдавленный голос сыщика, — у них кончилось топливо-о...

Овчаренко сделал гигантский прыжок вслед летательному аппарату. Если бы Руслан опомнился на секунду раньше! А теперь он только лязгнул зубами в каком-то сантиметре от края корзины, рухнул и покатился под обрыв в облаке пыли. Когда Маша спустилась, Овчаренко в бессильной ярости бегал по берегу и метал огромные камни вслед удаляющемуся аэростату.

— Хватит тебе! — прикрикнула Маша. — Смотри, они снижаются. Если упадут в воду, Шарик утонет, ведь он связан!

— Надо плыть, Машка, — решительно сказал Овчаренко, входя в воду, — другого пути нет.

— Да, — упавшим голосом подтвердила она, — надо плыть... Это... где моя сумка?

— Вон она, у тебя на боку.

— Ах, да! — Маша стала старательно копаться в сумке.

— Ну, рванули? — торопил Овчаренко.

— Рванули... — пролепетала Маша, пятась от воды. Руслан подозрительно спросил:

— Ты плавать-то умеешь?

— Умею, умею! Только... не как чемпион. Кролем не умею, брассом не умею...

— А как умеешь, топориком, что ли?

— По-собачьи, — прошептала Маша, — по-собачьи немножко умею...

— Держись за мой хвост, выгребем!

И они поплыли: впереди Руслан, на буксире Маша, а за Машей ее ушки и сумка.

Бандитский аэростат, сморщенный от недостатка теплого воздуха, тихо опускался к поверхности воды. Пловцы быстро настигали его. Когда преследователи оказались под корзиной, раздался пронзительный крик Шарика:

— Атас! Бомба! Ныряйте!

Овчаренко, не раздумывая, хватил воздуху и нырнул. За ним Маша. Раздался глухой удар. Овчаренко под водой открыл глаза. Темный предмет стремительно уходил вниз, оставляя за собой бормочущий ртутный шлейф из пузырей. Это Крот сбросил жаровню.

Облегченный воздушный шар набрал высоту, но вскоре опять начал снижаться. Падение было неминуемо.

Крыс это понял и в панике заметался. Выбрасывать больше было нечего.

— Нюрка! — замахнулся он. — Вон отсюда! Не утяжеляй!

Нюрка нехотя снялась. Но аэростат от этого и на сантиметр не поднялся. Что весит муха, даже такая упитанная?

— Ззззкоро ляпнешься, — сообщила она, летя рядом, — немного осталозззз. У пса клыки — жжжжуть!

Овчаренко фыркнул, и до Крыса долетели холодные капли воды, отчего он весь затрясся.

И почему-то промелькнула перед ним картинка детства золотого, когда был он симпатичным непоседливым существом, у которого резались зубки. Мама внушала ему: «Не воруй, мой

мышоночек, не делай гадостей, мой ненаглядный, — проживешь спокойненько». И пела над кроватью, роняя слезы:

Мой малыш удаленький,
Бодренькие ножки,
Не ходи, мой маленький,
По кривой дорожке.

Но он не мог удержаться: воровать было так интересно, а делать гадости так приятно! А что теперь? Куда завели его «бодренькие ножки»? Некрасивый, с выбитым клыком, тварь какая-то дрожащая, и дорога ему одна — в воду. И поклялся себе Крыс, что, если только уцелеет, бросит мерзавца Крота, начнет новую жизнь, пойдет по прямой светлой дороге к достижению всего-всего хорошего... Только бы уцелеть, только бы выжить, выжить, выжить!

— Кро-от, — взмолился Крыс, — придумай что-нибудь, ты же умный!

Крот хладнокровно набирал в шприц какую-то жидкость из пузырька.

— Не мешай, — отозвался Крот. — Не качай.

Крыс сделал попытку взобраться по стропам-веревкам, на которых была подвешена корзина, и чуть не сорвался в ослепительные зубы Руслана.

— Волнуешься, — пропыхтел Руслан. — Иди, дам водички...

Крыса осенила спасительная мысль. Он подскочил к Шарiku и попытался перевалить его через борт.

— Помоги, — крикнул Крыс Кроту.

— Не трогай его, — отозвался Крот, закрывая пузырек.

— А-а-а, — взвыл Крыс, — такой стал, да? Такой? Я тебя самого сейчас скину! Это ты меня довел, что я такой аморальный! Так получай же за всё!

Он бросился на Крота, но тут же получил сам и заплакал.

— Я больше не бу-уду, я больше не бу-уду, — причитал он, потом выхватил из кармана янтарные бусы и швырнул в воду, — вот, возьмите, не нужны они мне...

Вслед за бусами полетела рогатка.

— Шарик, — раздался рык Руслана, — держишься?

— Держусь-усь! — ликуя, отозвался сыщик.

— Держись! Мы из них блох повыколотим! Крот подошел к Шарiku и неожиданно всадил шприц под лопатку.

Через минуту аэростат сделал последний вялый прыжок и приземлился на берегу. Едва корзина коснулась земли, Крыс бросился наутек, но его остановил властный окрик Крота.

Преследователи приближались. Глаза Овчаренко при свете заходящего солнца отливали яростным багровым пламенем. Наконец ноги Руслана коснулись земли, и он рванулся на берег.

— Ни с места, или мы уьем Шарика — сказал Крот. Почувяв под собой твердую почву, Крыс понял, что выжил. И решил подождать с началом «новой жизни». Да и какая «новая жизнь» может быть у него, владеющего лишь двумя смежными профессиями: воровством и разбоем? Кому он нужен, кроме Крота?

И Крыс услужливо подтвердил:

— Уьем, уьем, — заискивающе заглянул в глазки своего господина и робко попросил: — Можно я, а?

Ему было нестерпимо жалко выброшенной драгоценности.

Овчаренко и Маша остановились, тяжело дыша. Вода ручьями стекала с них. Всего несколько метров разделяли противников. Овчаренко подобрался, готовясь к прыжку.

Но Крот насмешливо произнес:

— Не суетитесь, уважаемые. Шарик не хочет покидать наше общество, потому что вы ему больше не нравитесь. Он предпочитает остаться с нами.

С этими словами Крот развязал сыщика, и тот не сделал ни шагу. Он стоял, глядя перед собой стеклянными глазами, весь поникший, жалкий, с опущенным хвостом... Крот придвинулся к сыщику и, приобняв его своей бандитской лапой, что-то долго втолковывал на ухо.

Шарик поднял голову и произнес бесцветным голосом:

— Уходите... Больше никогда не преследуйте Крота и Крыса... Они... — Шарик запнулся, — они...

— ...Мои лучшие, — сквозь зубы подсказал Крот.

— Они мои лучшие друзья, — повторил Шарик. — Они самые сильные и умные на свете. Передайте горожанам, чтобы они прекратили сопротивление. Передайте, что сегодня ночью они получат подарок, какой им и во сне не снился...

Крот приказал:

— А теперь попрощайтесь со своими бывшими друзьями.

Шарик молчал.

— Ну? — повысил голос Крот.

У Шарика задрожали лапы, уши, хвост, и сыщик произнес:

— Прощайте, мои бывшие друзья...

Речь Шарика поразила Руслана и Машу. Они молчали. Они были в ужасе. Они ничего не понимали. Наконец Овчаренко протянул:

— Так. Ясненько, жук березовый. Я тебя с самого начала вычислил, только ты мне баки забил, какой ты хороший... Сейчас я вас буду рвать в клочья. Всех троих.

— Подожди, Русланчик, подожди, — шепнула Маша. — Здесь что-то не так.

— Что не так? Предатель!

— Не может Шарик стать предателем, не может! Крот издевательски произнес:

— Невежливо секретничать при посторонних. Тем более, что с вами попрощались, а вы продолжаете обременять нас своим присутствием.

Шо-о? — грохнул Овчаренко. — Сейчас положу, и будешь лежать...

— Не надо, Руслан, пошли, пойдем сейчас же, — вцепилась в него Маша и потащила к реке. Такая неожиданная сила появилась вдруг у маленькой Маши, что Овчаренко послушался.

— Эх ты, — сказал он Шарик, — мараться об тебя неохота.

И с шумом бросился в воду.

— Счастливого плавания! — крикнул Крот. Крыс засвистел и захохотал.

Антиволин

Возвращение. — Разведчица в стане врага. — Белый порошок и странный обстрел. — Сыщик просит смерти. — Лекарство от страха.

Быстро стемнело.

На середине реки Маша отцепилась от хвоста Овчаренко и повернула назад. Руслан не сразу это заметил, и только через некоторое время донесся его тревожный возглас:

— Машка, ты где?

— Я возвращаюсь. Шарик, нужно помочь.

— Утонешь, дурочка. Из-за предателя!

— Он не предатель. Ты, Руслан, беги в город, скажи, что бандиты снова что-то затевают. Помнишь, Шарик говорил про какой-то подарок? Ведь он слова Крота повторял.

— Айда вместе.

— Нет.

— Тьфу! — Из-под носа Овчаренко поднялся целый столб воды и рассыпался голубыми лунными каплями. — Шо я Доберману скажу?

— Скажи, чтобы готовил всех к обороне, — ответила Маша и поплыла одна.

Конечно, плыть одной — не то что плыть с могучим Русланом. И плыть ночью — не то что плыть при свете дня. Кажется, кто-то хватается скользкими щупальцами, хочет утащить в глубину. И хотя понятно, что это водоросли, всё равно мурашки бегут по спине и перехватывает дыхание.

Маша забарахталась, едва вырвалась из клубка подводных растений и почувствовала, что тонет.

— Ой, Руслан, — тихо вскрикнула она и... встала на дно. Она выбралась на берег и упала. Тихо стояла огромная плоская вода с голубой лунной дорожкой. Маша поняла, что Руслана, если бы даже и захотела, не догонит.

А что впереди?

Вдруг Шарик и вправду предатель?

— Нет, — отогнала она от себя эту мысль и приказала: «Вставай, Машка, вставай, Машица ты эдакая... Шарик весь изранен, избит, ему больно, ему страшно, ему хуже, чем тебе!».

И когда она перестала думать о себе, стало легче. Она поднялась, стряхнула мокрый песок, взяла след и побежала, согреваясь на ходу.

«Сумка! Сумка с медикаментами!». Маша вспомнила, что упустила ее, когда запуталась в водорослях. Возвратиться? Бр-р-р! Маша помчалась дальше.

Под ногами захрустело битое стекло, заскрежетали обрывки проволоки, звякнул металл. Маша поняла, что добралась до городской свалки и, чтобы не поранить ноги, пошла медленнее.

Вскоре забрезжил колеблющийся свет, похожий на отблеск костра. Маша подкралась. В железной бочке горел мазут, и хлопья сажи, как черный снег, опускались вокруг.

Разведчица огляделась. На кузове разбитого автомобиля лежали рядышком два рельса, один конец которых был опущен на землю.

Крот и Крыс, черные от сажи, страшные, как черти, выкатили большой снаряд с металлическим оперением, похожий на ракету. Морды преступников были прикрыты марлевыми масками. Крыс отвинтил головку снаряда, Крот насыпал в него какого-то порошка из ящика, и снаряд снова закрыли. Бандиты попытались поднять его на рельсы, но он был слишком тяжел.

— Шарик, ко мне! — крикнул Крот.

Шарик появился из темноты и помог преступникам взгромоздить снаряд на рельсы. Двигался сыщик медленно и неуверенно.

— Пошевеливайся! — пнул его ногой Крыс. И Шарик не ответил на оскорбление!

Крот поколдовал над ракетой и закричал:

— Берегись!

Вспыхнула струя пламени, такая ослепительная, что горящая бочка померкла и показалась не ярче тусклой гнилушки. Ракета с ревом поползла вверх по рельсам, сначала медленно, потом всё быстрее, затем взмыла в воздух и умчалась, оставляя светящийся след.

Крот и Крыс плясали как сумасшедшие, крича:

— Спите спокойно! Ха-ха-ха! Спите спокойно!

И вдруг Маша поняла, что это и есть «подарок», о котором говорил Шарик. Маша взобралась на кучу битого кирпича и стала смотреть в ту сторону, куда ушла ракета. Над городом стояло мирное электрическое зарево. Маша ждала, что вот-вот там взвоет столб пламени и начнут

рушиться дома. Но ракета взорвалась над городом. В темном воздухе сверкнуло, и через некоторое время донесся едва слышный хлопок.

Судя по тому, как довольны были бандиты, это было как раз то, чего они добивались. Весело гогоча, они тащили второй снаряд и снова начинали его порошком. И снова тащили, и опять начинали.

А город мирно сверкал огнями и не замечал этого странного обстрела.

Шарик безропотно помогал бандитам...

Наконец они повалились спать возле накалившейся и уже потухшей бочки. Прежде чем заснуть, Крот приказал:

— Шарик, сторожить!

И Шарик остался сидеть, словно какой-нибудь цепной пес!

Маша неслышно появилась перед ним. Сыщик вскочил.

— Шарик, — тихо спросила Маша, — ты ведь не предатель?

— Нет.

— Почему же ты так ведешь себя? Тебя бьют, унижают, а ты помогаешь им!

— Я... я не знаю, Маша. Крот сделал мне укол...

— Укол? — насторожилась Маша.

— Да! После этого я почувствовал, что не могу сопротивляться и возражать, повторяю чужие слова и делаю всё, что мне прикажут.

— Это антиволин, — сказала Маша. — Как я не догадалась!

— Анти... что?

— Антиволин — такое снадобье, которое убивает волю и в тысячу раз усиливает страх. Ты хочешь что-нибудь сделать по-своему, но тебе приказывают этого не делать, и ты слушаешься, потому что тебе невыносимо страшно. Так?

— Ой, как страшно, прямо всё трясется! Слушай, Маша, у тебя нет лекарства против этого снадобья?

— Нет, я сумку утопила.

Значит, я так и останусь без воли? Тогда лучше убей меня, Маша!

Крот метнулся во сне и закричал:

— Я! Я — самый! Я! Меня! Обо мне! Сидеть! Шарик против воли сел, дрожа от страха. Крот повернулся на бок и затих. Маша сказала:

— Я, кажется, поняла! Не думай о себе. Думай о других. Думай о том, как всем будет плохо,

если бандиты победят. Забудь о себе, и страх пропадет!

Маша задела ногой гнилое яблоко, в котором ночевала Муха. С диким низгом взлетела Нюрка:

— Кто зззздезззз, ззззараззззза?! И кинулась будить Крота и Крыса. Маша исчезла в темноте.

Спящие просыпаются

Аэростат над городом. — Крыс затаил обиду. — Город заснул. — Сыщик забывает о себе. — «Проснитесь, вставайте!» — Неудавшийся грабеж. — Бандиты обезврежены. — Шарик — ученик Школы.

Наступило утро следующего дня.

Над городом, еще лежащим во мраке, вспыхнула яркая точка. Это лучи восходящего солнца осветили неподвижно висящий воздушный шар.

В корзине возле новой жаровни грелись Крот, Крыс и Нюрка Муха. В стороне лежал сыщик.

— На кой он нам теперь нужен? — сказал Крыс. — Давайте сбросим эту собаку на голову Слону, сразу двух зайцев уьем! Га-га-га.

— Молчи, — буркнул Крот. — Я отменяю приговор. Я знаю, скоро он оценит мое величие. И вот тогда я сделаю его своим помощником, он не такой глупый, как ты, Крыс!

Много мог вытерпеть Крыс — и ругательства, и побои, но слова о новом помощнике глубоко запали в его дремучую душу...

Корзина висела над городом на такой высоте, что сюда не доносилось ни звука.

Сюда не долетали стоны больных, лишенных лекарств.

Не видно было, как мечется в бреду Захарка, а мама Муркина всё ждет, что сыщик принесет спасительные таблетки. Ничто земное не доходило сюда, под это серо-синее равнодушное небо.

— О, здесь еще баночка осталась, — сказал Крот и, перегнувшись через борт, высыпал порошок.

Белое вкрадчивое облачко, как медуза, медленно пошло в глубину.

Всю ночь бандиты обстреливали город ракетами, начиненными снотворным порошком, и теперь от него на улицах стоял белесый туман...

Солнце поднималось всё выше, осветило телебашню, затем пожарную каланчу, разлилось по крышам домов и наконец хлынуло на улицу. Сверху было видно, как потекли толпы жителей, побежали крохотные трамвайчики, машинки, троллейбусики, и это безостановочное веселое движение, казалось, должно было продолжаться, как всегда, до позднего вечера. Но что это?!

На перекрестках стали возникать пробки. Автомобили поплелись со скоростью пешехода. Пешеходы поползли как черепахи. И вот всё остановилось.

Длинным пятнистым шлангом свесилась с каланчи шея Василия Жиrafa.

И тогда шар стал медленно опускаться.

— Смотри, — крикнул Крот сыщику, — смотри, я как бог опускаюсь с неба на землю, на которой остановил жизнь!!!

Корзина коснулась земли напротив дома № 1.

— Всем надеть маски, — распорядился Крот и нацепил Шарику на рот и нос марлевую повязку.

Всё вокруг спало. Счастливо улыбаясь, спал за рулем водитель грузовика, уткнувшегося в столб. Впоелку спали пассажиры трамвая, сошедшего с рельсов. Кто-то с пустым стаканом в руке заснул возле автомата с газированной водой, а этот автомат, видимо, испорченный, время от времени фыркал и сам себя насильно поил водой. Автомат захлебывался, булькал, недовольно рычал, но прекратить это самоупоение было некому. Вся эта неподвижность была покрыта тончайшим сонным налетом белой пыли. Пробежал ветерок, покатил по асфальту бумажный стаканчик из-под мороженого, и тихий шорох показался Шарику громом. Черный провал зиял на месте аптечной витрины.

— Все это сделал я! — свистящим шепотом произнес Крот. — Ты преклоняешься передо мной, Шарик? Ну!

— Преклоняюсь, — сказал сыщик, поджав хвост. Он сказал это и заплакал от бессильной ярости, от того, что, скованный унижительным страхом, не может ответить врагу так, как он того заслужил. И еще: его поразила мысль о том, как бывает несправедливо в жизни — куча выскочек с помойки торжествует над целым городом...

Крот засуетился:

— Ты плачешь от восхищения, Шарик, да? Мы с тобой сожжем этот проклятый дом вместе с твоими бывшими друзьями! Пусть горят и видят во сне, что греются на солнышке, хи-хи-хи! А пока они спят, мы отберем всё, что у них есть: деньги, одежду, еду — всё, всё, всё! Ну, хватит, хватит плакать, а то у меня самого навертываются слезы... Мой новый умный помощник! Иди же, я тебя поцелую.

Шарик представил себе, как мечутся в огне беспомощные котята, как погибает в пламени добрый общественник Иван Иванович, как горит отважный слесарь Федор Медведь, рисковавший жизнью для спасения его, сыщика!

И когда он подумал о других, то забыл о себе. А когда забыл о себе — страх прошел!

Хвост Шарика, как в былые времена, взвился, и ухо подскочило, что означало: «Есть идея!».

Вместо поцелуя бандит получил вот что. Шарик молниеносно сорвал с Крота очки и с размаху треснул об асфальт, так, что брызнула маленькая радуга. Затем, обжигаясь, схватил раскаленную жаровню и с криком: «Грейся, поджигатель!» — вывалил угли на голову Кроту. Сыщик обернулся, готовый к схватке с Кры-сом, но сообщники злодея куда-то исчезли. Потом Шарик побежал по улице:

— Проснитесь, проснитесь! Вставайте! Лишь сонное мычание в ответ.

Вот милиционер Аист спит на перекрестке, и его палочка регулировщика не кувыркается, не порхает в воздухе. Лежит рядом с хозяином, тоже спит. Шарик ворвался во двор. Котята спят в песочнице. Воробей Николай спит на турнике, сунув голову под забинтованное крыло. Слон

Иван Иванович спал на лавочке. Во сне его медленно клонило вперед, тогда Иван Иванович, не просыпаясь, отталкивался хоботом от земли и опять прислонялся к спинке. В отчаянии, вспоминая, какая это невероятно трудная задача — будить Слона, Шарик бросился к нему и закричал что есть сил:

— Иван Иванович, беда!!!

Слон мгновенно вскочил, едва не раздавив сыщика:

— Что вы так кричите, Шарик, я не глухой!

— Так, значит, вы не спите?

— Сплю, — честно ответил Слон, — вернее, дремлю.

— То есть, правильно, вы спите, но, оказывается, вы не спите. Короче, вы спите по-настоящему, а не не по-настоящему!

— Как это «не не по-настоящему»?

— Ну вот как они! — Сыщик показал на котят и Воробья.

— Вы знаете, Шарик, иногда я вас плохо понимаю. По-моему, они все спят самым неподдельным образом. Каждому приятно вздремнуть на солнышке...

— Значит, вы заснули не от порошка?

— Никогда не пользуюсь и вам не советую.

— Понимаете, Крот засыпал город сонным порошком, и все отключились! Крот и Крыс хотят всех ограбить и поджечь дом. Бежим скорей!

Когда Шарик Слон осторожно выглянули из-за угла, ослепший без очков Крот бродил по улице, натываясь на стены, столбы, деревья, и звал:

— Крыс, где ты? Помоги!

Но Крысу было некогда. Он грабил. В первый и последний раз в жизни ему представилась возможность безнаказанно хватать что хочешь. И он хватал. Крыс шастал по квартирам и выкидывал в окно всякое добро: кастрюли, подушки, ночные горшки, вилки, катушки, бритвы, костюмы, тёрки для овощей, ковры, домашние тапочки, половые тряпки и многое другое.

Грузовик, предусмотрительно заведенный, уже работал на холостом ходу.

— Нюлочка, — зывал Крот, — помоги! Друзья выбежали из засады.

Крыс, позабыв о своих сокровищах, вскочил в автомобиль, дал газ и покатил по улице. Навстречу, крича, брел Крот. Крыс зажмурился и газанул, прошипев: «Вот тебе новый помощник!». Словно влажной тяжелой тряпкой ударило в радиатор.

А Крыс помчался дальше.

И тогда Слон показал, на что способны активные общественники. Они могут не только всем улыбаться, рыть ямки и сажать деревца! О нет! Многие из них способны, да-да, с виду смиренные

и безбидные, они способны догнать грузовик, поддеть его бивнями за кузов и перевернуть! Вот что такое активные общественники.

И Слоп оправдал свое звание: догнал и перевернул.

Крыс вывалился из распахнувшейся дверцы, но сыщик настиг преступника и схватился с ним.

Иван Иванович хоботом приподнял крышку канализационного люка, и Шарик, изловчившись, швырнул Крыса в круглый колодец.

И лязгнула чугунная крышка, став на место и навсегда отрезав алчного разбойника от нашего лучшего из миров.

— Фу-у, — выдохнул Иван Иванович, утираясь необъятным платком. — Откуда пришел, так сказать, туда и ушел.

— Сила у вас, Иван Иванович! — восхитился Шарик, кивнув на перевернутый грузовик, колеса которого еще вращались.

— Пустое, Шарик. Я убежден, на моем месте так поступил бы каждый.

Сыщик пробормотал, глядя на окно второго этажа:

— Вот ты где! Ну конечно...

Из форточки выплыло тяжелое кольцо, сверкнув красной звездочкой рубина. Нюрка едва тащила краденое, приговаривая:

— Зззо! Зззо! Зззолото!

Шарик выхватил пистолет, тщательно прицелился и выстрелил.

На асфальт упало, зазвенело и подскочило кольцо. От бешеного вращения оно походило на желтый полупрозрачный шарик. Поколесив по тротуару, оно легло набок. И тогда с небес неслышным штопором съехала Нюрка Муха и упала на свои татуированные крылышки лапками, естественно, кверху. И — надо же — прямо в центр золотого кольца!

— Эх, — проговорил активный общественник, — жадность эта самая, понимаете ли... А вы отлично стреляете, Шарик. Муху влет бьете.

Шарик хотел сказать, что категорически убежден в том, что на его месте так выстрелил бы каждый. Но вместо этого почему-то скромно произнес:

— Далеко не убежден, что каждый так умеет стрелять...

Вдруг потемнело, на солнце набежала туча. На нос Шарика капнуло. Сыщику почему-то стало грустно. Заныли раны.

— Дождь будет, — сказал он.

— Ну и прекрасно, Шарик, — воскликнул Иван Иванович, — дождь смоев всю эту сонную гадость, всех разбудит. Давай, дождик, давай!

И, словно повинувшись активному общественнику, природа полыхнула, громыхнула, с сухим

шорохом набежал дождь, и всё стало мокрым. Шарик с облегчением сорвал марлевую маску.

Раздался скрип тормозов. Из школьного грузовика посыпались будущие сыщики. Они привезли с собой запах поля и леса. Подбежал Доберман-Пинчер. Из-под бинтов на его голове торчали целебные листья подорожника.

— Рекс Бураныч, разрешите доложить, бандиты обезврежены, — отрапортовал Шарик.

Начальник выдержал паузу и сурово спросил.

— Шутка?

— Простите, что вмешиваюсь, — пробасил Иван Иванович, — но то, что сказал Шарик, — чистая правда. Смотрите.

Он указал на ручей, грязно-белый от сонного порошка. Бурный ручей, ворча, тащил тело Крота.

— Доигрался, — задумчиво произнес Доберман-Пинчер. — Как это он хвалился-то: «Моя сила в том, что я один, ваша слабость в том, что вы друг за друга горой...» — Начальник повернулся к Шарику. — С завтрашнего дня можешь считать себя учеником нашей Школы. Экзамены ты выдержал на земле, под землей и в воздухе. Но смотри у меня: дисципли-инка! Хвост держать пистолетом!

— Есть держать пистолетом!

— Ура-а! — закричали ученики и стали качать сыщика.

— Пустите, я уже налетался! — завопил Шарик клоунским голосом, дергая в воздухе ногами. Все засмеялись, а сыщик обратился к начальнику: — Рекс Бураныч, а может, вы меня все-таки в цирк устройте?

— Нет, — улыбнулся Доберман-Пинчер, — в цирк тебя отдавать опасно: придут зрители развлекаться, а умрут от хохота. Отвечай потом.

Виновато виляя хвостом, подошел Овчаренко:

— Шарик, ты ж меня прости, шо я тебя обозвал, а?

— Прощаю, — великодушно сказал Шарик. — Только ты, Русланчик, чихай почаще.

— Ладно. Это чтобы шо?

— Да то, шо мозги прочищает...

Курсанты забрались в кузов, набитый лечебными травами, и поехали по больницам. Всем хватит, от всех болезней!

Шарик увидел, что рядом стоит Маша в веночке, сплетенном из голубых васильков.

— Машенька, — сказал он, — ты мне так помогла своим советом, ты даже не представляешь как! Теперь я знаю, как не бояться ничего на целом свете!

— Кто ничего не боится, тот всю жизнь ходит с ожогами, — заметила она. — Я медик, я точно

знаю.

— А ты всю жизнь будешь меня лечить? Будешь?

— Буду, горюшко ты мое.

Вдруг Шарик вспомнил: лекарство! Лекарство для больного Захарки!

— Слушай, у тебя от простуды что-нибудь есть?

— Ты простыл?! — испугалась Маша, хватаясь за новую сумку с травами.

— Да не я! Бежим!

И они побежали по улице Дружбы. И мчались трамваи. И спешили троллейбусы. И ворчали проснувшиеся горожане на этих двоих сумасшедших, которые разбрызгивают лужи.

— Эге-ге-гей! — вдруг закричал Шарик.

— Ты что? — удивилась Маша.

— Ничего, просто так! Хорошо жить, когда думаешь о других, а другие думают о тебе! Да?

И Маша ответила:

— Да.

Конец